

ЭКСПАНСИЯ

[УРОЖДЕННЫЙ ДВОРЯНИН]

РАССВЕТ

Роман
ЗЛОТНИКОВ

Антон
КОРНИЛОВ

Урожденный дворянин

Роман Злотников

Урожденный дворянин. Рассвет

«Автор»

«Автор»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Злотников Р. В.

Урожденный дворянин. Рассвет / Р. В. Злотников — «Автор»,
«Автор», 2016 — (Урожденный дворянин)

ISBN 978-5-17-097284-5

Их называют «витязи». Они убеждены, что жить следует по Закону и Совести. Они отвоевывают у «общества потребления» право на власть. Они возвращают по своему подобию новую, истинную элиту. Они изменяют мир. ...И пробуждают потаенных повелителей человечества – могущественных Хранителей, которым вовсе не выгоден новый порядок. Последняя битва за умы и сердца людей началась...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-097284-5

© Злотников Р. В., 2016
© Автор, 2016
© Автор, 2016

Содержание

Пролог	10
Часть первая	18
Глава 1	18
Глава 2	28
Часть вторая	51
Глава 1	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Роман Злотников, Антон Корнилов

Урожденный дворянин. Рассвет

Москва. За два года до описываемых событий

Времени ждать лифт не было. Глава Управления Альберт Казачок взлетел на пятый этаж по лестнице. Миновав последний пролет, он с удовлетворением отметил, что не слишком-то и запыхался и ноги нисколько не отяжелели; напротив – от короткой этой пробежки веселее взбурлила во всем теле разогнавшаяся кровь.

Альберт Казачок возглавил Управление всего только месяц назад, став самым молодым руководителем вышеозначенного ведомства за всю его историю. И с приходом Альберта как-то сама собой родилась и окрепла в Управлении атмосфера некоей поворотной свежести – как, впрочем, бывает почти всегда при любой смене власти.

Скорым шагом, успевая отвечать на приветствия коллег, Альберт достиг приемной собственного кабинета. В приемной его ожидали двое парней, двадцати с небольшим лет на вид. Парни – один ярко-белообрый, худой; второй потемнее и помассивнее – с одинаковой проворной готовностью вскочили ему навстречу.

Казачок, чуть замедлившись, кивнул парням, отрывисто бросил:

– Из отдела кадров? На стажировку? – И, не дожидаясь ответа, который и так знал, обернулся к секретарю, грузному седоусому майору (в Управлении никогда не было идиотской традиции сажать в секретарское кресло безмозглых девиц, вершиной профессионального мастерства полагавших умение печатать одним пальцем, отзываться на телефонные звонки и готовить кофе). – Тащи, Николаич, что там у тебя...

Седоусый майор вошел в кабинет следом за Альбертом, протянул ему папку:

– Вот, сегодняшнее, товарищ полковник.

Казачок, не присаживаясь, раскрыл папку на столе, карточным веером раскидал бумаги: какие-то тут же подписал, вернув обратно в папку, какие-то отложил. И уже после этого, выдохнув, опустился в свое кресло. Потер ладонью лоб:

– Во сколько заседание-то?

Майор глянул на часы:

– Через тринадцать минут, товарищ полковник. Распорядитесь перенести?

– Успею... – с некоторым, впрочем, сомнением ответил Альберт, щелчком мыши пробуждая компьютерный монитор. И в этот момент у него зазвонил мобильный.

– Молодежь-то приглашать? – быстро осведомился секретарь.

Альберт, одной рукой вынимая телефон, другой махнул майору: мол, погоди, потом... Тот немедленно покинул кабинет.

– Здорово, брат! – жизнерадостно задребезжал динамик мобильного. – Как она, шапка мономахова, не давит?

– Давай поскорее, Артур, ладно? – недовольно сморщившись, попросил Казачок. – Занят,дохнуть некогда... Что у тебя?

– Совсем зазнался! – хмыкнули в трубке. – Родному брату, кровинушке – слова доброго сказать не можешь!

– Зашился, – поправил Альберт, – а не зазнался. У тебя что-то очень срочное? Если не очень, лучше через Николаича...

– Я тебе, между прочим, по личному телефону звоню, а не по служебному, – заметил Артур, Казачок-младший. – Через Николаича!.. Чего он еще с тобой в квартире не поселился? Вот Галка обрадуется. Скоро соль передать будешь просить через своего Николаича...

– Кладу трубку, – предупредил Альберт.

– Ладно, ладно... Заходили они уже?

– Кто?

– Значит, не заходили...

Тут только Альберт сообразил, что речь идет о двух новичках-стажерах, присланных к нему из отдела кадров. И сразу же наструнился:

– погоди, а тебе до них какое дело? Они ж не в твой отдел распределены. Им до оперативной работы служить и служить...

Он еще договаривал последнюю фразу, когда в голове ворохнулась досадливая мысль: личные дела стажеров не успел посмотреть. Вот они, на столе лежат, дела-то. Как он вчера и распорядился... Рассчитывал просмотреть с утра пораньше, да не получилось. Только-только до кабинета добрался.

Ну никак не приновится он, новый глава Управления Альберт Казачок, к этому сумасшедшему графику... И как старик Магнум все успевал? И ведь никогда никуда не торопился, последние лет десять из своего кабинета – вот этого самого, который теперь вместе с должностью унаследовал Альберт, – почти не выходил. И тем не менее умудрялся быть в курсе всех дел Управления, первым узнавать любую новость, каждый раз принимать своевременные решения.

Жаль Магнума, конечно... Без малого сорок лет руководил Управлением, сорок лет был главой ведомства, неусыпно стоявшего на страже Отечества. И до недавнего времени никому бы и в голову не пришло, что когда-нибудь будет как-то по-другому. Однако ж... Инфаркт, реанимация, тоскливые новости, чудом просочившиеся из закрытой больницы... И только тогда Управление вдруг осознало, что Магнум, вызывающий неизменный трепет мощный монолит Магнум, непробиваемая глыба Магнум – обыкновенный человек, подчиняющийся, как и все, законам естества, восьмидесятитрехлетний старик с источенным временем уставшим сердцем...

Впрочем, он до последнего остался верен себе – никуда не торопясь, не опоздал; все, что нужно, предусмотрел. За неделю до смерти оставил секретное распоряжение: кто после него возьмет в свои руки кормило Управления, и как именно следует наследнику перетасовать прочий начальственный состав...

– Альберт! Эй, брат! Ты уснул там, что ли? Переутомился?

– Да! – спохватился Альберт. – Слушаю! Так какие проблемы со стажерами?

– С одним из них. И не проблемы, а... совсем даже наоборот.

– То есть?

– То и есть. Да ты что, личные дела их не смотрел? Ну, даешь, начальничек...

– Времени в обрез, – буркнул Альберт Казачок. – Не тяни.

– Один из стажеров – саратовский, – сообщил Артур.

– Ну и?

– Бывший детдомовец.

– И что это значит?

– Детдомовский – значит, в детдоме воспитывался. В том самом детдоме.

– В каком еще – том самом?.. – чуть не рявкнул выведенный из терпения Казачок-старший, но вовремя вспомнил: – Да ты что?.. – протянул он. – Правда?..

– Ага, – хмыкнул Артур, явно удовлетворенный произведенным эффектом. – Ну, пока, брат. Увидимся сегодня. Тогда и поделишься впечатлением от встречи. Я-то с ним еще не пересекался лично.

– Шибко крутой?

– Да где там! Всего лишь первая ступень Столпа...

Альберт положил телефон. Машинально посмотрел на часы, потом перевел взгляд на две пластиковые папки, лежащие на столе слева, где обычно располагались документы, требующие срочного ознакомления. Протянул руку над папками... и не открыл ни одну.

Неожиданная мысль пришла к нему.

– Ты погляди... – произнес он задумчиво. – Сколько мы за вами гонялись, а тут вон оно что – один такой сам объявился. Птенец гнезда Трегрея. Причем, похоже, один из первых... Ну если судить по возрасту...

Он вынул из нагрудной кобуры табельный пистолет, снял его с предохранителя, положил на колени и, придвинувшись ближе к столу, ткнул пальцем в кнопку селектора, негромко приказал:

– Николаич, пригласи их. Обоих сразу.

Они вошли один за другим: сначала белобрысый, потом темноволосый.

Альберт Казачок выхватил из-под стола пистолет, молниеносно передернув затвор.

Темноволосый парень даже не успел испугаться. Вряд ли он вообще что-нибудь понял. Он кувыркнулся с линии прицела – от сильного толчка белобрысого. Сам же белобрысый попросту исчез. Растворился в воздухе. Но не совершенно, а словно превратившись в размытую серую тень, мгновенно метнувшуюся в противоположную от темноволосого сторону.

Казачок-старший почти инстинктивно отдернул голову, спасаясь от полетевшего в лицо чего-то сверкающего, бешено вращающегося... отчего на секунду потерял ориентацию в пространстве. И в это же мгновение серая тень, взвихрившись откуда-то сбоку и сзади, пала на него, смяла и закрутила его тело.

Альберт пришел в себя под столом. Пистолета в руках не было. Очень болела правая кисть, крючило ломотой пальцы. И еще грудь жгло – точно по ней плашмя врезали палкой.

«О край стола приложился...» – догадался он.

Болезненно кривясь, он поднялся на ноги. Темноволосого парня нигде не было видно, а белобрысый стоял вполоборота чуть поодаль, у настенного стенда рядом с дверью. Он как раз водружал на стенд большой, поблескивающий фальшивой позолотой кубок. Из кармана его брюк торчала рукоять пистолета Альберта.

– Помялся немного, – проговорил парень, видимо, почувствовав на себе взгляд Казачка-старшего. – Это об стену. Уж извините.

– Не промахнись ты, помялась бы моя голова, – ответил Альберт.

– А я и не промахнулся, – просто проговорил парень. – Я мимо целил. Бросок предполагался отвлекающим, а не поражающим. «Казачку Альберту Васильевичу... – начал он читать надпись на кубке, – за победу в областных соревнованиях по рукопашному...»

– Пять лет назад дело было, – прервал его Альберт. – С тех пор уже первенство по стране успел взять... Оружие верни.

Белобрысый беспрекословно отдал ему пистолет – рукоятью вперед протянул, как полагается.

– Однако, проверочки у вас, товарищ полковник... – пробормотал он при этом.

Над поверхностью стола, словно полная луна, всплыло белое-белое изумленное лицо темноволосого стажера. Альберт сел в свое кресло.

– Ну что же? – проговорил он. – Давайте знакомиться.

Белобрысый шагнул к столу. Положив ладонь правой руки на левую сторону груди, ненадолго и неглубоко склонил голову. И произнес:

– Будь достоин!

– Долг и Честь! – серьезно ответил ему глава Управления Альберт Казачок.

* * *

Через несколько минут, оставшись в кабинете один, Альберт подошел к окну. Неяркое вечернее солнце пачкало масляной краснотой стеклянные стены торгового центра напротив. Улица привычно и неторопливо закипала, будто кастрюлька с супом на медленном огне.

– Как странно все повернулось-то... – тихо сказал Альберт, глядя из окна вниз.

Да, странно... С самой ранней юности, с тех пор, когда он принял решение, что делом его жизни будет служба стране, был Казачок-старший нерушимо уверен в одном принципе, главном принципе, основополагающем: какой бы ни была существующая система функционирования государства, святой Долг Управления (а значит, и его персональный Долг) – пуще глаза оберегать эту систему. Так учил его Магнум. В том же убеждал его – год за годом все крепче – и личный опыт. Ибо любая, даже самая плохая система всегда лучше, чем ее отсутствие. Вон, на Украине, под восторженные вопли народа радостно смели «злочінну владу» президента-коррупционера, после чего рухнули в такую задницу, из которой до сих пор никак не выберутся... Да, много в стране неправильного и вредоносного, даже и глубоко копать не надо, все изломы и недочеты на виду, на поверхности, достаточно легкого мимолетного взгляда, чтобы их обнаружить. И, казалось бы, если все всем так очевидно, почему до сих пор не стало по-другому? Не стало – как должно быть? Потому что – как втолковывал когда-то сотрудникам Управления Магнум – между теорией и практикой лежит громадная, непересекаемая пропасть. Потому что, начав ревностно «наводить порядок», очень просто разрушить страну. За двадцатый век так уже случалось несколько раз. И в семнадцатом, и в девяносто первом, да и... тридцать седьмой тоже едва этим же не закончился. Нет, Альберт не был наивным интеллигентом, считающим, что Сталин в тридцать седьмом уничтожил восемьдесят процентов высшего командного состава РККА и управленческого аппарата страны исключительно из собственной кровожадности. Были, были основания для жестких решений... Но чистили-то не просто «до основания», а еще и, так сказать, «со снятием верхнего слоя грунта толщиной в метр». А когда опомнились – во многом было уже поздно. Слава богу, кое-кого добить не успели, например тех же Рокоссовского или Королева. А если бы опомнились чуть позже – одной катастрофой лета сорок первого точно бы дело не ограничилось...

Так что любые язвы общества врачевать надо аккуратно, вдумчиво, следуя правилу, которое считается обязательным для врачей, – «не навреди». К тому же коррупция и наглость власть имущих не всегда есть полное и абсолютное зло. Человек априори слаб, и... умная власть, понимая это, не столько рубит по-живому, сколько использует слабости людей для собственного укрепления, встраивая человеческие слабости в свою систему, выстраивая «манипуляторы», позволяющие добиваться собственных целей с куда меньшими затратами, минуя официальные структуры управления. Ибо официальные структуры всегда медлительны и громоздки. Поскольку публичны и чудовищно бюрократизированы. А современный мир требует быстрых и эффективных реакций. Так что коррупция, кумовство и тот самый пресловутый административный ресурс, конечно, зло, но зачастую куда меньшее, чем хаос и обрушение системы. Так ржавчина и накипь, сужая сечение трубопроводов и повышая расход тепла на нагревание, одновременно прочно «приваривают» детали механизмов друг к другу и «заращивают» потенциальные течи. Такова жизнь...

Именно потому Альберт воспринимал тех, кто, пусть с самыми благими намерениями, но закусив удила и невзирая ни на что, принимался «бороться с несправедливостью» даже не как потенциального, а как реального врага, способного обрушить, уничтожить все то, чему он отдал свою жизнь.

Поэтому Олег Гай Трегрей в его глазах однозначно был врагом. Для Магнума. Для всего Управления. И для Альберта Казачка, конечно, тоже. Враг, которого необходимо непременно уничтожить. Не потому что так захотелось самому Альберту. А потому что этого требовали интересы страны.

Когда подобное противостояние только зарождалось, казалось, у Олега нет никаких шансов. Потому что что может быть проще для могущественного Управления – сломать и растереть обыкновенную человеческую единицу? Однако Трегрей оказался им не по зубам. Просто потому что он не был обыкновенным... Простым, нормальным, обычным или как там еще это называется? Ха! Каким угодно, но только не простым! И дело было не только и не столько

в его феноменальных навыках, принципы и методика обретения которых (так называемый Столп Величия Духа) до сих пор дотошно и пристально изучались Управлением. Дело было в глубочайшей уверенности Олега в том, что для людей абсолютно нет ничего невозможного. «Можешь – делай!» Хотя, пожалуй, уверенность – неподходящее слово. Трегрей не то чтобы верил, что ум и тело каждого человека способны справиться с любой задачей, не то чтобы успешно убеждал себя в этом. Он просто это знал. Словно родился и вырос там, где подобная внутренняя программа полагалась совершенно естественной. Где люди давным-давно научились переступить собственные слабости и оказались способны выстроить мир, который именно такой, каким он и должен быть.

Неудивительно, что у Трегрея довольно скоро появились соратники и единомышленники, число которых год от года только росло. Все-таки как ни крути, а в каждом из нас, кем бы мы ни были, тлеет жажда жить по справедливости, закону и совести, жить так, чтобы иметь полное, без малейшей червоточки, право уважать самого себя. Тлеет в нас эта жажда, задавленная тоскливым пониманием, что желаемое – недостижимо и утопично. Ведь если не было во всей нашей многовековой истории ни единого примера, когда утопия воплощалась бы в реальность, как же тогда мы можем серьезно верить в то, что когда-нибудь такой момент настанет?

Трегрея же нисколько не стесняли подобные сомнения. Он просто жил, как должно. И перед ним и его соратниками, впитавшими в кровь догмат: «Лишь практика есть мерило истины», система дрогнула. Но не посыпалась. Она стала перестраиваться. Изменяться. И наступил момент, когда и в Управлении увидели и поняли это. Решились-таки робко поверить, что пропасть между должным и реальным может стать меньше...

«Все же есть здесь определенная судьбоносная закономерность, – думал Казачок, постукивая ногтем по оконному стеклу, – что Магнум ушел именно теперь. Вряд ли он, переживший крах стольких систем, помнивший убийственную коловерт безвременья, сумел бы верно осознать смысл происходящих перемен, вряд ли сумел поверить в них и принять...»

Кабинетную тишину колыхнула трель селектора. Альберт вернулся к столу.

– Пять минут до совещания, товарищ полковник, – напомнил динамик голосом секретаря Николаича.

– Спасибо.

«Впрочем, и теперешнее Управление, – мысленно проговорил Казачок-старший, – может поддерживать Трегрея только лишь негласно. Мы государевы люди и, все-таки, в выборе решений несвободны. Все, на что мы имеем право: наблюдать и не чинить препон. Не стоять в одном строю, а прикрывать тылы. Что, в общем-то, тоже очень даже немало. По крайней мере, прошлые деяния команды Олега полностью реабилитированы, и никаких угроз ему более со стороны Управления не будет...»

Пролог

На следующий день кошмар повторился.

Жалобно звякнув, затих на кухне холодильник; оборвал свое бормотанье телевизор за спиной.

Иркины пальцы застыли на клавиатуре старенького ноутбука с внезапно погасшим монитором. Она поняла прочно и сразу: это – вовсе не следствие очередной мелкой аварии на местной подстанции. Это они, отрубив из подъезда электропитание ее квартиры, дали знать о том, что вернулись.

В дверь забухали тяжелые удары.

– Открывай, проститутка! – устрашающе громко прогудел из-за двери усиленный подъездной акустикой нарочито грубый бас.

Ирка съежилась на стуле перед умершим ноутбуком. Темный четырехугольник монитора задрожал и расплылся кляксой, но Ирка не смела даже пошевелиться, чтобы утереть внезапно брызнувшие слезы.

– Открывай! – загрохотало еще громче.

Старенький двухэтажный окраинный домишко (а где еще студентка может позволить себе снять квартиру?) испуганно замолчал; затаились, опасливо прислушиваясь, Иркины соседи.

Еще несколько мощных ударов по двери, еще одно оглушительное: «Открывай!» И длинное лязганье отвратительно витиеватой матерной фразы – точно протащили по ступенькам лестничной клетки ржавую цепь.

И вдруг стало тихо.

Ушли?

Ирка сползла со стула и медленно, изо всех сил стараясь не скрипнуть истертыми половицами, двинулась к двери.

Около минуты она не могла решиться выглянуть в глазок. А когда наконец решилась, увидела лишь искаженные выпуклой линзой подъездные стены, густо исписанные (они вчера постарались!) похабщиной в ее, Ирки, адрес. Только стены и больше ничего.

Неужели и вправду ушли?

И тотчас, взлетев откуда-то снизу, обзор наглухо закрыла глумливо ухмыляющаяся физиономия.

Ирка, всхлипнув, отпрянула.

И опять сотряс дверь град ударов.

– Притырилась, сука?! Думала отсидеться?.. Пусти, кому сказано! Поговорить надо!..

– Я отдам! – закричала Ирка. – Я все заплачу! Мне мама деньги пришлет! Я завтра все отдам! Получу перевод и сразу в банк...

– Да ты в уши, что ли, долбишься, дура?! Какой банк? Тебе что вчера объясняли? Я твой долг у банка выкупил, я! Ты мне теперь бабки должна! А я свои бабки из тебя по-любому вытрясу, не отмажешься!

– Я завтра все... – пискнула было Ирка, но ей не дали договорить:

– Мне каждый день таскаться к тебе неинтересно, уяснила, нет?

– Мы такие «завтраки» всю дорогу хаваем, не первый год в бизнесе, – резко вклинился в разговор еще один голос. – Открой дверь, розетка, мы не банк, мы и вещами взять можем.

– А то и еще кой-чем другим...

От очередного удара дверной косяк крупно треснул вдоль, выпустив мутное облачко пыли.

– Открывай, мразина!

– Помогите! – крикнула Ирка. – Помогите кто-нибудь!

– А ведь реально... – проговорил вдруг второй голос, – что с нее взять-то? Слышь, давай вот чего...

Неожиданно стук прекратился. За дверью неразборчиво зашуршали два голоса, плеснул в конце разговора безбоязненный громкий смех. И что-то, проникнув в замочную скважину, заскрежетало там, с натугой поворачиваясь.

Ирке захлестнуло горло новым витком ужаса. За ненадежной преградой двери они, взрослые здоровые мужики, возясь с замком, приглушенно шушукались, азартно хихикали, словно школьники, пробирающиеся в девчачью раздевалку.

Она кинулась к окну, распахнула створки. Второй этаж, высоко; наверняка сломаешь себе что-нибудь, если прыгнуть... Да, Господи, какая чепуха, наплевать, пусть. Лишь бы вырваться из этого кошмара, лишь бы...

Под окном, в палисадничке с пожухшими от жары георгинами стоял крупный пузатый мужчина. Задрав голову, поблескивающую на макушке аккуратной лысиной, он посмотрел на Ирку и помахал рукой с зажатой между пальцами сигареткой. Приветливо так, улыбаясь...

– Помогите! – снова крикнула Ирка, поспешно отведя от мужчины взгляд. – Лю-уди!.. Пожалуйста!

Отчаянный зов ее бесследно растворился в полуденной, искрящейся птичьим щебетанием тишине зеленого двора.

«Так ведь не бывает... – родилось в оглушенной Иркиной голове. – Мирное снулое спокойствие, вокруг люди. Так не бывает. Только не со мной...»

Помогите... А кто поможет? Прямо – глухой забор, за которым проезжая часть, по бокам грязные металлические коробки гаражей. Жители дома, ее соседи? Вот уж от кого ждать помощи не приходится. Вчера не высунулись и сегодня смолчат... Господи, что делать? И ведь сама во всем виновата. Взяла сдуру кредит; с великим трудом, во многом себе отказывая, выплачивала, каждый раз проклиная себя за то, что поддалась когда-то сиюминутной слабости. Выплатила. Ну что стоило справиться у кукольно улыбающихся банковских менеджеров: точно ли вся сумма погашена, ничего не осталось? А она, заплатив последний взнос, выпорхнула поскорее из банка. Щекочущая легкость освобождения несла ее...

А через год – как дубиной по голове – звонок из коллекторского агентства. Дескать, оплату за посреднические услуги банка забыли произвести, Ирина Валерьевна, договор надо было внимательнее читать, никто вас в срок оповещать не обязан. И – проценты, штрафы, пени – затрещала тревожная россыпь цифр, затрещала и сложилась в сумму очень даже внушительную для студентки третьего курса, пусть и подрабатывающей: то продавщицей ночного магазина, то репетитором, то уборщицей в местной гостинице...

Скрипнув, открылась входная дверь, знакомо шаркнула отошедшей снизу дерматиновой обивкой по полу. Открылась и захлопнулась, тут же защелкал запираемый изнутри замок.

Ирка вспрыгнула на подоконник. Мужик в палисадничке забеспокоился, предостерегающе замахал руками:

– Э! Э!..

Телефон! Телефон же! Тот самый злополучный айпад, в недобрый час приобретенная в кредит сияющая игрушка!.. Ирка и вчера, когда они ушли, звонила в полицию, ничего существенного этим звонком не добившись: правду, видать, говорят, что у коллекторских контор негласный договор с полицейскими, в упор не видящими в действиях бандитствующих громил состава преступления... Но сейчас-то! Неужели полиция позволит им совершить такое?!

Ирка, держась за раму, наклонилась, схватила со стола айпад, заскользила трясущимися пальцами по сенсорному экрану.

Они вошли в комнату. Сначала один, следом другой.

– Ты куда, птичка? – невыносимо знакомый голос, прозвучавший совсем рядом, изменился. От наигранной первобытной свирепости не осталось и следа. Игривая вкрадчивость, пугающая еще больше, змеилась теперь в этом голосе. – Полетать захотелось?

Не осмеливаясь посмотреть на вошедших, Ирка вцепилась взглядом в сенсорный экран, все никак не желавший вспыхнуть. Разрядился?

Разрядился...

«Тереха-дуреха!.. – скользнула в ее голову мамина обычная присказка, такая неуместная сейчас. Мама всегда говорила так на любую Иркину оплошность. – Зарядить забыла, тереха-дуреха!..»

– Чего застыла, птичка? Иди к дяде, дядя не обидит. Самой понравится, я гарантирую... Слезь с окна, тварь, кому сказано! С долгами надо расплачиваться.

Ирка все же оторвала полные слез глаза от бесполезного айпада.

Тому, кто говорил с ней, было около сорока. Коротко стриженная башка с темными солнцезащитными очками на крутом затылке, мясистое круглое лицо, лоснящееся от пота, широкая грудь и объемистое пузо под туго натянутой футболкой, мощные волосатые кривоватые ноги, дурацкие цветастые шорты, едва достигающие до середины бедра...

– Нравлюсь, деточка? – хмыкнул он. – А почему слезки? Да ты что, милая, еще ни разу... не динь-динь? Это мы сейчас исправим.

Второй маячил где-то у входа в комнату, его Ирка не успела толком рассмотреть.

В этот момент она с ослепительной ясностью ощутила, что тот мир, в котором она прожила все свои двадцать лет, мир разный, со своими бедами и проблемами, но все же по большей части бестревожный и понятный – лопнул, словно праздничный воздушный шарик, прожженный папироской мультипликационного волка-хулигана. Превратившись в скукоженные лоскутки, он погиб полностью и окончательно.

Она рывком отвернулась, выронив айпад. Срывая голос, закричала снова в равнодушно молчащее заоконное пространство:

– Да помогите же мне кто-нибудь, люди!..

Из-за забора вывернул во двор какой-то прохожий – невысокий полноватый дяденька в сером деловом костюме, с портфелем, который он почему-то нес под мышкой. Он глянул на Ирку, потом на угрожающе набычившегося лысоватого здоровяка в палисадничке, приостановился, заколебавшись...

– Чего здесь забыл, дятел? – зло оскалясь, надвинулся на него здоровяк. – А ну вали отсюда, пока цел!

Толстячок испуганно отшатнулся, уронив портфель. Ирка несколько не сомневалась в том, что дяденька, похоже, заглянувший в тихий дворик по малой нужде, тут же свистнет обратно на улицу, скорее всего, даже позабыв про свою потерю.

Но прохожий поднял портфель. И, больше не колеблясь, деловито направился к подъездной двери.

– Ты бессмертный, что ли? – удивился здоровяк, заступая ему дорогу.

Вместо ответа прохожий вдруг швырнул в него портфель. Здоровяк взмахнул руками, защищая лицо, а дяденька прыгнул вперед и с размаху впечатал лоб ему в переносицу...

Больше ничего Ирка не увидела, потому что неслышно подобравшийся круглолицый коллектор сдернул ее с подоконника. Больно ударившись локтями и коленями, она попыталась вскочить, но тяжеленная, остро воняющая потом туша навалилась на нее, прижимая к полу. Ирка завизжала, задергалась, сильная пятерня (золотое обручальное кольцо сверкнуло на безымянном пальце) залепила ей лицо. Придушенный хриплый шепот толкнулся в уши:

– Ноги ей держи, заразе...

Ее перевернули на спину, заломили руки над головой. Она крепко зажмурилась, когда мокрый, пышащий обжигающе нечистым дыханием рот коснулся ее губ, и... инстинктивно сжала зубы, между которыми оказалась упругая, мерзко чавкнувшая плоть...

– А-а-а-а... СУКА!!! – ударил по ушам даже не крик, а дикий рев. А в следующее мгновение хлесткий удар по лицу вышиб ее из сознания.

* * *

Ирка пришла в себя, когда вокруг все стало тихо. Первым делом схватила себя в районе бедер – джинсы были на месте. Ирка приподнялась, морщась от головокружения.

Давешний прохожий, полноватый дяденька, глухо кашляя, ворочался в углу разгромленной комнаты. Вот он с заметным трудом встал, опираясь о стену... Осколки стеклянной дверцы серванта захрустели под его ногами.

Лицо дяденьки было в крови, рубашка разорвана до пояса, а серый пиджак сплошь покрывали смазанные отпечатки подошв, словно по дяденьке некоторое время старательно топтались. Впрочем, почему – «словно»? Скорее всего, так оно на самом деле и было. Дяденька мельком посмотрел на Ирку, с хрустом двинул челюстью, запустил щепоть в рот и, повозившись, достал оттуда окровавленный зуб.

– Вот гады... – сказал он, чуть шепелявя, – передний... В копеечку восстановление влетит.

Ирка покрутила головой, прислушалась. Кроме них двоих, никого в квартире, кажется, не было.

– Ушли они, ушли, – подтвердил удивительный прохожий, снимая пиджак.

– А вы... кто? – осторожно спросила Ирка.

– Человек, – просто ответил тот. Пожал плечами и тут же скривился от боли. – Услышал, как вы меня звали, и пришел.

– Я-а-а... – Ирка настороженно уставилась на толстячка, – я вас не звала, – кто его знает, что там у него на уме...

– Как не звали? – удивился дяденька. – Вы же кричали – «люди»?

– Ну-у-у... да.

– Вот я пришел.

– Но-о-о... то есть... я-а-а... это... я хотела сказать... – забормотала Ирка, которую столь простая логика ввела в оторопь. Это ж надо – «вы звали людей – и я пришел», типа потому что человек... а потом вздохнула. – Да, извините... вы правы, – а потом помолчала несколько секунд, после чего все-таки не выдержала и тихо спросила: – А как вы решились-то?

– А что мне было еще делать? – ответил дяденька на ее малосвязный лепет. – Мимо проходить? Делать вид, что не заметил, не разобрался, не понял? Услышал, говорю, кто-то кричит, вот и...

Как-то странно он все это говорил. Сквозило в его интонациях некое горделивое удовлетворение. Не похвальба – впрочем, вполне уместная – «вот я какой!», а искреннее удовольствие от собственного поступка, нисколько не прикрытое напускным равнодушием. Таким тоном говорит человек, решившийся на выполнение крайне сложной задачи, блестяще с этой задачей справившийся и по праву гордящийся собой.

– Спасибо... – сказала Ирка. И неожиданно для себя разрыдалась, по-настоящему, громко, со вскрикиваниями, конвульсивно содрогаясь всем телом.

– Ну-ну-ну... – произнес прохожий, кажется, немного растерявшийся от этого взрыва, – все уже, все... Ушли.

– Так... вернутся же! – с трудом выговорила Ирка, втискивая слова между мучительными спазмами. – Я... маме даже не звонила... Откуда у нее такие... деньжищи?!

– Вернутся, – подумав, согласился дяденька. Он нахмурился. – Да, пожалуй, вернутся... Судя по его виду, он впервые очутился в подобной ситуации.

– Ты... успокойся! – Он шагнул было к Ирке, но остановился на полпути. – Не плачь! Ну, вернутся, велика беда, что ли? Ты теперь ничего не бойся, ладно? – Он все-таки подошел к девушке, неловко погладил ее по вздрагивающей голове. – Не надо ничего бояться, слышишь? Потому в мире столько нехорошего, что все мы боимся. Я ведь тоже всю жизнь... – Прохожий, кашлянув, замолчал. Снова подвигал хрустевшей челюстью.

Ирка несколько раз глубоко вдохнула, стиснула зубы. Не сразу, но это помогло – рыдания ее утихли, клокоча теперь лишь где-то в груди. Она потерла ладонью грудь.

– Болит? – обеспокоенно осведомился дяденька. – Сердце-то? Это бывает от переживаний...

– Нет, не болит... – выдохнула Ирка. – Сердце у меня здоровое. Просто как бы... не на месте.

– Понятное дело! У меня бы, будь я тобой, сердце тоже в пятки ушло... А как я этого... который во дворе... головой-то в рожу! – неожиданно улыбнулся прохожий. – Вот уж не думал, что с первого раза так ловко получится! Ты вот что... ты мне сейчас все подробно расскажи, хорошо?

– И вы мне поможете? – подняла голову Ирка.

– И мы тебе обязательно поможем, – заверил он.

* * *

Телефон прохожего оказался разбит.

– Не беда, – легко сказал он, невнимательно сунул телефон обратно в карман и огляделся. – А где у тебя?.. Ага, – удовлетворенно кивнул он, увидев ноутбук. – То, что нужно.

Они включили электричество в подъезде, прохожий уселся за компьютерный стол. Пробежал пальцами по клавиатуре ноутбука, набрав в адресной строке браузера: «so-ratnic.ru». Ирка стояла за его спиной, не осмеливаясь спросить, что он собирается предпринять.

На мониторе высветилось окно главной страницы искомого прохожим сайта. Бедновато выглядела эта страница. Ничего на ней не было, кроме крупной строчки вверху: «Невозможного нет. Практика – мерило истины». Да еще пониже строго темнели два слова: «Будь достоин». Сразу под ними стояла пустая графа, предназначенная, как догадалась Ирка, для ввода пароля.

«Долг и Честь», – набрал прохожий в этой графе.

Ирка отвела взгляд, отошла на пару шагов, запоздало сообразив, что все-таки нехорошо так – подглядывать из-за спины. Прохожий тут же оглянулся:

– Говори свой адрес.

Сильно ударяя указательными пальцами по клавишам, он под ее диктовку набрал несколько слов.

И развернулся на стуле, улыбнулся Ирке разбитым, начавшим уже опухать лицом:

– Готово дело. А теперь подробненько все рассказывай.

* * *

Через час в Иркиной съемной квартире было не протолкнуться от народа.

Ирка, преодолевая навалившуюся вдруг чудовищную усталость, притуплявшую чувства, мешавшую думать, металась туда-сюда, изобретая сидячие места, налаживая чаепитие. Чайных чашек, конечно, не хватило, пришлось пустить в ход случайно прихваченные с какого-то давнего пикника пластиковые стаканы.

Впрочем, гости оказались неприхотливыми. Довольствовались и проминавшимся под пальцами, обжигавшим руки пластиком; в отсутствие свободных стульев усаживались прямо на пол. Странная, к слову сказать, подобралась компания. Начиная с того, что гости, коих числом было восемь, не все были знакомы между собой, заканчивая тем, что очень уж эти восьмеро были разными. Особенно диссонировали подвижный юноша в белом, явно очень дорогим костюме, приехавший, как видела в окно Ирка, на новеньком автомобиле, которому более всего подходило бы какое-нибудь из этаких «породистых» названий «купе», «родстер», а то и какой-нибудь «хардтоп», – и хмурый усатый мужик в запачканной краской и известкой рабочем комбинезоне, по всей видимости, только что сорвавшийся с какой-нибудь стройки.

Но, если присмотреться, кое-что объединяло неожиданных Иркиных гостей. Кое-что почти неуловимо проскальзывало в их облике: в интонации, в движении, в выражении лица – то самое искреннее и вдохновенное, совершенно не обидное для стороннего наблюдателя, горделивое удовлетворение самим собой. Удовлетворение словно от свершения чего-то необычайно сложного и важного. Этакая печать «достоинства по праву» неявно лежала на этих людях.

Разнеся чай, Ирка притулилась в проеме кухонной двери.

После недолгих уточняющих расспросов, адресованных дяденьке прохожему, слово взял усатый работяга.

– Значица так, соратники, – с жегловской хрипотцой проговорил он. – С этими субчиками, положим, разобраться труда не составит. Подождем их завтра здесь, ввалим, сколько заслужили, покрутим. А дальше? Ментам сдать? Менты их тут же и отпустят.

– Скорее, нас самих задержат, – хмыкнул один из гостей, худощавый парень в футбольных шортах и майке без рукавов, с синей татуировкой в виде морды оскаленного тигра на плече.

– Может, витьязам сообщить? – предложил юноша в белом костюме.

– Сами справимся!

– Нужен юрист. Или журналист. Или журналист, сведущий в юриспруденции. Есть у нас такой?

Юноша защелкал на планшете. Он сидел на спинке дивана как раз рядом с Иркой, и та не удержалась, чтобы не заглянуть в экран. Так и есть: опять этот сайт «so-ratnic.ru».

– Есть журналист, – через несколько секунд проговорил юноша. – Правда, в Волгограде живет.

– Чуть меньше четырехсот километров. Часов за пять домчит. Если сейчас сообщить, к ночи уже у нас будет.

– Ко мне заселить можно, – заметно растягивая слова, предложил седоволосый кавказец в очках с толстыми линзами, сильно увеличивающими глаза; он, кстати, прибыл одним из первых, – я тут недалеко живу.

– Ага, сейчас позвоню, – поднялся юноша и направился на кухню.

– Ближе разве нет у нас журналистов? Погодите, а Сашка?

– В больнице твой Крутов. Телевизор не смотришь, что ли? Наехал на барыгу... этого, как его?.. Который у студии детского творчества помещение отжал. Ну и... Подкараулили у подъезда и железными прутьями по башке... Витьязи этим делом уже занимаются.

– Тыфу ты, опять, что ли, Сашка огреб? Я ж говорил, надо приставить к нему кого-нибудь! Пару парней, чтоб сменялись через сутки. У человека в голове дыр скоро будет больше, чем в госбюджете Зимбабве.

– Я ж говорю, витьязи этим делом уже занимаются.

Странно, но отупляющая усталость понемногу таяла, уступая место тревожному недоумению: что же это все-таки за люди такие? Почему они помогают ей? Она еще могла понять ввязавшегося в неравный бой дяденьку прохожего. Благородный и смелый человек, не сумел

пройти мимо. А... остальные? По первому зову с решительной обстоятельностью впряглись в хлопотное и несомненно опасное дело. Какой-то журналист из Волгограда... Неужели он, бросив все дела, помчится сюда, в Саратов, за четыреста километров, на помощь незнакомой девчонке, по глупости вляпавшейся в скверную историю? И ведь никто из присутствующих в этом нисколько не сомневался – что именно бросит и помчится.

Зачем им все это, странным людям, которых она никогда раньше не видела? Откровенно говоря, Ирка полагала, что вся их помощь ограничится тем, что они просто-напросто дадут ей денег, чтобы выплатить долг. А они даже разговор об этом не завели. А может... Может, у них какая-то своя игра, в которой Ирка стала случайной фигурой, связавшей собой интересующую их партию? Или... Или за все потраченные на нее усилия ей придется все-таки расплачиваться? Станет разве кто-нибудь за так суетиться?

При этой мысли Ирка похолодела.

Расплачиваться? Чем?

Восьмеро обернулись к ней на ее робкий лепет.

– Что говоришь, дочка? – переспросил усатый работяга.

– У меня... нет денег, – чуть громче повторила Ирка.

– Мы в курсе, – усмехнулся ее спаситель, дяденька прохожий.

– Но как мне тогда вас... отблагодарить?

Кто-то из гостей хмыкнул:

– Да вроде не за что пока.

– А когда будет за что? – мельком удивившись собственной смелости, снова спросила Ирка.

Худощавый парень в футбольных шортах с хрустом потянулся:

– Ты же из деревни, да? Мамка с папкой, небось, провиант посылают? Я бы вот от баночки соленых груздей не отказался. С детства с ума по ним схожу, а в городе не достать. Магазины – совсем не то.

Работяга, сидевший рядом, толкнул его локтем.

– Да шучу, шучу!... – отмахнулся парень.

– Ничего не надо, – серьезно сказал юноша в белом костюме. – «Спасибо» будет вполне достаточно.

– Да зачем вы это делаете? – все пыталась добиться Ирка. – Не за спасибо же?

– Не за спасибо, – поправив очки, согласился седоволосый кавказец, и Ирка внутренне сжалась. – А потому что хотим жить по закону и совести. Хотим себя уважать и чтобы нас уважали. Хотим людьми жить. Настоящими людьми.

Ирка обескураженно замолчала. Ей вдруг вспомнилось, как она отчаянным и безнадежным криком позвала тогда с подоконника: «Да помогите же мне кто-нибудь, люди!» Вот и откликнулись люди. Не те, повседневно ее окружающие, а другие... Называющие себя настоящими.

В приотворенную дверь постучали и, не дождавшись ответа, вошли в квартиру еще двое: тонкий юноша лет двадцати – двадцати пяти в очках с перемотанной синей изоляцией дужкой и грузная женщина среднего возраста, по виду – типичная строгая учительница младших классов.

– Будьте достойны! – поздоровались вошедшие.

– Долг и Честь! – ответили им.

– О! – обрадовался усатый работяга. – Нашего полку прибыло.

Он повернулся к Ирке и добавил:

– С обидчиками твоими мы разберемся, не сомневайся. А вот должок все равно сквитать тебе придется. Для начала продай цацку свою, из-за которой сыр-бор... Ну, если не хватит, я малость добавлю, так уж и быть...

За окном что-то загремело и натужно зафыркало, словно какое-то большое металлическое животное, – это подъехал к ограждавшему двор забору громоздкий мусоровоз.

– И Степаныч подтянулся! – с удовольствием констатировал парень в футбольных шортах, выглянув в окно. – Таким макаром через часок-другой тут все наши соберутся!.. Есть предложение, соратники! – вдруг вскинулся он. – Давайте завтра, когда гадов повяжем, на степанычевской тачке в отдел их отвезем, а?

– Мусоровоз больше для ментов подойдет, – в тон ему откликнулся юноша в белом костюме, – тех самых, которые гадов покрывают. Вот им в самый раз будет...

Присутствующие рассмеялись. Ирка тоже следом за ними несмело улыбнулась.

Часть первая

Глава 1

Мэр города Кривочки Иван Арнольдович Налимов, немолодой мужичок со снулыми, как у рыбы, глазами, сидел в собственном доме, на третьем этаже, у окна, подперев ладонью вялый подбородок. Невидящий взгляд Ивана Арнольдовича рассеянно блуждал по расстилавшемуся под окном морю городской зелени, словно шхуна, лишенная и руля, и ветрил. Иван Арнольдович был погружен в думы, безрадостные и тоскливые.

Эх, жил-поживал маленький поволжский городок Кривочки – вот о чем сокрушенно размышлял мэр Налимов, – жил себе поживал городок спокойно и безмятежно. Мирно плескались в глубоких лужах его улиц местные гуси и алкаши, а по ночам царила тишь вселенская, пахнувшая пылью и нагретой за день листвой. А кому шуметь в городке? Горластая молодежь по мере появления неизменно перебиралась в близлежащий Саратов, ибо в плане перспектив ловить в Кривочках было нечего. Оставались лишь самые беззаботные: те, кому на роду были написаны ежедневные водные процедуры с домашней лапчатой птицей... Из крупных предприятий имелась в Кривочках только одна «арматурка», то бишь арматурный завод, в котором очередь на рабочие места давным-давно была расписана на поколения вперед.

Эх, как хорошо было Ивану Арнольдовичу в этом городке! Покой и благодать, отличное местечко, чтобы отдохнуть на склоне лет до выхода на пенсию. Это зять Налимова (большой человек в Москве, между прочим!) постарался, уважил старика, мэрское кресло преподнес в подарок на юбилей, спасибо ему... Подарил Кривочки. Вроде как персональную дачу, только с возможностью заработка.

Для высокого начальства Кривочки – дыра дырой. Ни областная, ни еще какая администрация вниманием мэра не удостаивала, никаких проверок – на что выделяемые бюджетом средства идут – сроду не было. Потому что всем было понятно: сколько на эту дыру ни выдели, все ухнет на илистое дно, не найдешь концов. Да и искать никто никогда не станет, дыра же...

Дыра... А Иван Арнольдович свой городок любил. Уютно здесь было, хоть по улице в домашних тапочках прогуливайся. Выйдешь, бывалоча, в воскресенье опосля утреннего чаю с супругой в церковь, все с тобой здороваются, все тебя знают, расступаются перед тобой, от всех тебе почет и уважение. Бабки у церковной ограды хрестоматийно в пояс кланяются, крестят, благодетелем величают. Дед Лука (чаще прозываемый просто – Лучок) однажды вот даже прослезился, когда Иван Арнольдович ему, пьяненькому, две сотенки дал, прослезился и руку целовать полез.

Эх, как хорошо мэру Налимову в Кривочках!..

...Было.

До тех пор, пока не дотянулись до городка мускулистые щупальца компании «Витязь». Эти самые витязи всю умильную пасторальность Кривочек безжалостно разбили в пух и прах. Подумать только: два года всего орудуют, а сколько всего успели наворотить!

Птицефабрику, давным-давно обанкротившуюся, восстановили. Окрестные захудалые фермы повыкупили, пекарен понастроили, ателье всяких, мастерских, в другие города товар гонят... Даже до «кирпички», кирпичного, то есть, завода, остановившегося еще в середине девяностых, добрались; прибрали эту разваливающуюся загаженную громаду к рукам, суетятся там муравьями... Рынок отстроили, где свою продукцию нашустрились сбавривать зачистившим вдруг в Кривочки приезжим. Да еще затеяли за городской чертой на живописном пустыре возведение какого-то диковинного сооружения: то ли дворец, то ли парк аттракционов, то ли храм непонятному божеству. Главное, строят как-то не по-людски, непонятно

строят. Из железных трубок конструируют что-то вроде каркаса, издали похожего на скелет громадного зверя, потом разбирают, заново строят, с места на место переносят... По бокам «скелеты» поменьше ставят и тоже их туда-сюда гоняют... А называться будет, Налимов слышал, эта фантастическая фиговина странным словом «палестра». Что за палестра такая?..

В общем, с появлением в Кривочках витязей закипела в городке нервная суета...

И ладно еще, смирился бы Иван Арнольдович с этой раздражающей суетой, если б витязи, как испокон веку на Руси положено, заносили ему долю малую от всех своих бесчинств, смирился бы и помогал даже посильно. Так ведь ничего подобного! В помощи не нуждаются, уважения должного не оказывают. Будто Налимов не мэр вовсе, не государством поставленный владетель местных угодий, а так... хвост овечий. Попытался Иван Арнольдович поначалу давить на этих треклятых витязей; Шукаря, начальника кривочской полиции, к тому делу подтянул, чтоб подловил смутьянов на чем-нибудь – да все без толку. Все-то у витязей по закону, все прямо-таки издевательски чисто, не к чему придраться. Смешно сказать: даже пожарным и санэпидемстанции не платят, будто немцы какие-то, а не русские. Да, кстати, у главного их фамилия какая-то нездешняя: Гай Трегрей. Олег Гай Трегрей. Ну, точно не наш, не православный. Витязи! Да вовсе они не витязи, если здраво рассудить. Вражеские захватчики, оккупанты в рогатых шлемах, вот кто они такие!..

Да, испоганили витязи милые Кривочки. Местные старики совсем церковь забросили. Вместо того, чтобы душу спасать, на огородах своих ковыряются, скотиной занимаются. Потому что в рынке, витязями выстроенном, им бесплатные торговые места предоставлены. Дед Лучок совсем с ума спятил. Кредит взял, зарегистрировал ИП имени себя, выращивать на плантации лук принялся. Купил мотоцикл с коляской, гоняет теперь, фырча сизым дымом, по городку, пугая алкашей с гусями.

А молодежь? Обратно потянулась со съемных саратовских комнатух. И из многих близлежащих деревень валом повалил в Кривочки народ, благо рабочих мест шаговой доступности здесь теперь хоть лопатой гребь. И что получилось? Шум, гам, сумятица! Самого Ивана Арнольдовича, выбравшегося перед сном прогуляться с супругой, теперь из десятка прохожих только один и узнает, поздоровается. Хоть из дому не выходи! Чего доброго, какой-нибудь прощелыга толкнет плечом или супруге на подол наступит! По улицам автомобилей столько снует, что – неслыханное дело – аварии стали случаться! Это в Кривочках-то! Где раньше, скажем, параличная Никодимовна могла безо всякой опаски через дорогу в любом месте проковылять – час туда, час обратно, да еще два раза передохнуть остановиться – и ни одной машины не встретить! Ночами парни с девками колобродят. Бывает, как водится, и отношения выясняют, кому с кем гулять. Драки уже нередки стали, а от драк и до поножовщины с кровавыми смертями рукой подать... А вот третьего дня какой-то пришлый работяга с «кирпички» продуктовый грабанул. Вынес четыре банки тушенки, две бутылки водки и коробку ирисок «Ивушка». По саратовскому телевидению сюжет прогнали. Если так дальше пойдет, Кривочки криминальной столицей области станут! О-хо-хо... А через неделю День города грянет – вспомнил вдруг Иван Арнольдович. Это что ж будет?! Содом и Гоморра, прости Господи!

Да что там это ограбление? Да что там День города! Ерунда! Не в этом, конечно, дело. Пресса ведь еще полгода назад о достижениях витязей затрубила. А как пресса затрубила, так зачастили в законную вотчину Налимова всякие ответственные лица, а с ответственными лицами – и проверочки начались. Вспомнила высокая власть о Кривочках. Благодаря растреклятым витязям. Ну и, под это дело, всплыло и кое-что из «тихих» делишек Ивана Арнольдовича. И ведь ничего серьезного-то. Так, мелочь, шалости. На помин души, так сказать... А как же иначе-то? Испокон веку так было: что охраняешь – то имеешь. И мало того что открылось – еще и прогремело! Журналюги, твари, постарались. Дали, значит, журналюгам отмашку сверху: «Ату его, можно!», не по собственной же они профессиональной инициативе стараются. А это значит – не видать Ивану Арнольдовичу переизбрания как своих ушей, не позво-

лят ему спокойно процарствовать до пенсии. Видно, губернатор на его место кого-то другого наметил. А если губернатор что решил, тут уж и московский зять не поможет. Москва далеко, а губер – вот он, родимый, всегда рядом.

...Налимов горестно вздохнул протяжным коровьим вздохом.

Как все-таки несправедлива жизнь! Полгодика всего-то осталось до выборов! Полгодика всего! И – до свидания, Иван Арнольдович, освобождай кресло для какого-нибудь сопляка. А сколько всего не сделано, сколько всего не свершено!

Коттеджный поселок людям пообещал поспособствовать поставить. В шикарном месте. На берегу Волги. Картинка должна была получиться! Для людей же все... ну и для себя немножко. Всего лишь один коттеджик в том поселке. Или, скажете, не заслужил за столько-то лет верной службы... Трегрей какую-то палестру себе строит, а Иван Арнольдович банальный коттеджик никак закончить не может! Опять же дом новый ветеранам войны осенью заложить собирались. Обещано людям! И Иван Арнольдич был твердо настроен свое обещание выполнить... А что помимо ветеранов в том доме еще и его племянник квартиру должен был получить, так и что? Это ж одна квартира всего. Пусть и трехкомнатная... Так парень женится скоро. Детки пойдут... А теперь как прикажете поступить? Сестра же со свету сживет... Ох, придется из резервного фонда квартирку выделять. Причем срочно. А в резервном фонде трехкомнатных уже нет. Вот так-то... Катерок надо бы новый взять, а то старому уже полтора года, перед людьми стыдно...

Совсем было пригорюнился мэр Кривочек Иван Арнольдович Налимов, да вдруг припомнил кое-что, и глаза его ожили. Он даже хихикнул, непроизвольно шаркнув ладонью о ладонь.

Овраг-то!

Соленый овраг!

Вот с оврагом и просчитались паскудные витязи. Пасть загребушую слишком широко разинули. Подавятся витязи Соленым оврагом, как пить дать подавятся. Никита Карпов, депутат Думы, гендиректор «Саратовоблжилстроя», оврага им не отдаст. Насколько Иван Арнольдович понимал этого гадского Трегрея, тот – если что ему втемяшится – до конца переть будет. Но уж с Никитой-то Карповым ему точно не сладить. Тут-то и конец придет компании «Витязь».

Жаль, конечно, что самому Налимову это никак уже не поможет, но все-таки хоть так-то Иван Арнольдович будет отомщен.

* * *

– Засыпали! – оголтело затрещало в телефонном динамике. – Никита Ильич, засыпали!

– А? – не понял Карпов. – Чего это? Кого засыпали?

– Соленый овраг засыпали! Весь!

– Соленый?!

Тут гендиректор «Саратовоблжилстроя» Никита Карпов вмиг сообразил, о чем идет речь.

– Кто?! – выдохнул он в трубку.

– Да витязи же! Кто еще? Трегрей этот сучий!

Карпов некоторое время ничего не говорил, шумно дыша.

– Да нет... – сказал он наконец. – Да быть того не может.

– Может, может, Никита Ильич! Я сам ездил, смотрел. Засыпали полностью, под завязочку, утрамбовали. И дорогу уже прокладывать начали через него!

– Сам видел? – оскалившись, быстро спросил Карпов.

– Сам, сам!

– Ну, твари... – прошептал Никита Ильич. – Ну, уроды... Это ж надо... Я ведь им всем башки поотрываю, неужели они этого не понимают? Я их самих в тот овраг закопаю! – он уже не шептал, он уже гремел раскатистым начальственным басом. – Слушай сюда! Слушай сюда! Собирай всех немедленно! Охрану нашу поднимай!

– Может, ментов, Никита Ильич? Или ОМОН сразу, а? Вы не знаете разве, при компании этого Трегрея охранное агентство состоит. Тоже «Витязь» называется. Главный в том агентстве Мансур – здоровенный чечен, зверюга, каких мало. А под его началом чуть ли не сотня головорезов. Про них такое рассказывают: будто их по какой-то секретной методике тренируют, бойцы спецподразделений против этих чоповцев – просто котята. Говорят, искусством бесконтактного боя владеют... Может, ОМОН, а, Никита Ильич? Все-таки вооруженные люди...

– Понадобится, и ОМОН пригоним. Охрану, тебе сказано! Он же не совсем отмороженный, Трегрей этот, чтобы абреков своих на меня спускать. На власть!.. Охрану собирай! Рабочих с бульдозерами, экскаваторами... черта в ступе! К обеду чтоб мне управился! Как соберешь, сразу меня извести! Я этим витязям!.. В порошок сотру, над Волгой развею! Чтоб духу ихнего в губернии не осталось!

* * *

В администрации Саратовской области Соленый овраг любили. В междусобойных разговорах почтительно величали – Золотым. Сам Никита Карпов неоднократно высказывался: «Это не овраг. Это рог изобилия. Только перевернутый, х-хы!..» И умильно шурился при этом.

Кривочки отделяли от Саратова всего-то шестнадцать километров. Но вот прямой дороги, соединяющей эти два города, не было – путь преграждал Соленый овраг. То есть она была когда-то, лет тридцать назад, эта дорога, был и деревянный мосток, проложенный через овраг, но со временем мосток одряхлел и рухнул, овраг расплзся вширь – и прямую дорогу за ненадобностью забыли, колеи ее заросли травой и кустарником и стали совершенно неотличимы от окружающего ландшафта.

Поэтому из Кривочек до Саратова и обратно ездили в объезд, по федеральной трассе, накручивая каждый раз лишних полсотни километров.

Неудобно, конечно. Надо овраг засыпать и прямую дорогу прокладывать?

«Надо», – ответили в Москве и утвердили проект. И стало все хорошо. Вот уже девятый год на осуществление этого проекта из государственного бюджета выделяется внушительная сумма. И полным ходом идет строительство. Никита Карпов, например, на свою долю два дома в Сочи построил: один для младшей дочери, другой для старшей. Первый заместитель Карпова – автозаправку и станцию техобслуживания. Ну и так далее...

А что же Соленый овраг? Овраг, естественно, засыпали. Помаленьку. Засыпали, засыпали, а он все, родненький, не наполнялся. «И дай Бог, – частенько говаривал Карпов, – чтоб подольше не наполнился... А наполнится – другой такой же рядом выроем, х-хы...»

А в этом году какой-то невесть откуда вынырнувший директор ЗАО «Витязь» Олег Гай Трегрей принялся донимать администрацию официальными запросами: когда же, наконец, завершатся работы и начнется строительство дороги? Ему отвечали: в положенные сроки. Директор ЗАО «Витязь» Олег Гай Трегрей выразил желание принять безвозмездное участие в работах. Ему ответили – не имеет права. Такого рода проекты строго подотчетны, и самостоятельности никакой тут не допускается. Директор ЗАО «Витязь» Олег Гай Трегрей оповестил о намерении засыпать овраг и проложить дорогу на собственные средства. Высшие чиновники посмеялись и покрутили пальцем у виска: дураками надо быть, чтоб разрешить кому-то закупорить исправно фонтанирующий благами рог изобилия.

И вот – гром среди ясного неба! Нет больше Соленого оврага!

Проклятый выскочка взял да и уничтожил его! В три дня! В три дня, подумать только!..

– В порошок сотру! – рычал Никита Карпов, вышагивая по кабинету в ожидании звонка от зама. – А Арнольд-то, старый козел, не позвонил, не оповестил вовремя! Заплатил ему, что ли, Трегрей, чтобы время выгадать? Или наоборот: подставить хотел Арнольд того Трегрея, вот и ждал, пока он закончит свое преступное деяние, усугубив тем самым вину властей? Да какая разница?! Обоих в пор-рошок сотр-ру!..

* * *

– Власть пожаловала, – сказал Женя Сомик, шурясь на заходящее солнце. – Раз, два, три, четыре... На шести машинах! Многолько охраны с собой взяли. Может, все-таки стоило подтянуть Мансура с ребятами, а, Олег?

– Незачем, – качнул головой Трегрей.

– В натуре, незачем, – подтвердил Двуха, присев на капот автомобиля. – Если чего нехорошего вдруг затеют... мы с тобой и справимся, даже Олегу вмешиваться не придется. Ну вот сам скажи, что для второй ступени десяток охранников?

– Да я не в этом смысле, – повернулся к нему Женя. – Справимся-то справимся, тут сомнений никаких быть не может. Я просто подумал: если б тут еще и наши ребята присутствовали, до чего-то нехорошего дело точно бы не дошло. Побоялись бы эти гаврики впрямую конфликтовать.

За их спинами – на том самом месте, где тридцать лет назад наличествовал мост через несуществующий уже Соленый овраг – рабочие раскидывали лопатами гравий, тяжело пыхтел, утрамбовывая основание дороги, асфальтоукладчик.

Двуха спрыгнул на землю, хрустнул шеей, разминая:

– Заварили кашу! – с удовольствием сказал он. – Чувствую, повеселимся. Эх, как в старые добрые времена! А хоть и дошло бы до нехорошего! – обратился он к Сомик. – Я бы даже хотел, чтоб дошло. А ты, Сомидзе, костюмчик, что ли, боишься попортить? Или репутацию? Депутатик, е-мое...

– Твой костюм, между прочим, не дешевле моего стоит, – ответил Сомик, снял пиджак, аккуратно сложил его, повесил на руку. – Не говоря уж о золоте... Зачем ты эти цепи на себя накручиваешь? Не человек, а ювелирный стенд какой-то...

Подумав, Сомик определил пиджак на заднее сиденье двухиногo автомобиля.

– Я не для себя, а для бизнес-партнеров, – сказал Двуха. – Пусть видят, как у нашей компании дела идут. Классическая схема самопиара. Еще мой прадедуська так поступал: голь перекатная, дома жрать нечего, куска хлеба нет... Зато как из дома выходил, всегда шкуркой от сала, которую как зеницу ока хранил, губы мазал. Прогуливался перед соседями и по ребрам себя поглаживал: «Ох, на обед сегодня мясо было...» Нет, ну у нашей-то компании, слава Богу, все нормально... А ты, Сомидзе, раз уж депутатом заделался, мог бы, между прочим, вопрос с дорогой Кривочки – Саратов на своем уровне решить. Не боялся бы теперь за костюмчик...

– Сколько раз я вопрос этот поднимал! Толку-то... Мне бы времени побольше, тогда, конечно, другой разговор. А Олег все торопится, впереди самого себя бежит.

– Это бизнес, детка, – важно объяснил Двуха. – Чтоб ты понимал. Тормозить начнешь, тебя конкуренты живо обставят.

– Дорога не только для дела нужна, – заметил Трегрей, – но и для людей тоже. А на Жене и без того много важных проблем.

– Скажи еще, что он один во всей городской Думе и работает, – усмехнулся Двуха.

– Будешь смеяться, но по большому счету так оно и есть, – не стал спорить Сомик.

– Я, что ли, прохлаждаюсь? – картинно обиделся Двуха. – Да на мне вся бухгалтерия «Витязя», договоры, встречи... Дохнуть некогда!

Автомобили один за другим спустились с насыпи трассы, остановились. Первыми выгрузились охранники – спортивные парни в черных форменных брюках и футболках, почти у каждого из нагрудной кобуры металлически поблескивала рукоять пистолета. Затем стали выбираться из автомобилей чиновники.

– Вон Карпов, во-он, – показал Сомик. – Видите? Маленький такой, на тоненьких ножках.

С насыпи скатился, едва не перевернувшись, внедорожник. Из него выскочил, позабыв закрыть за собой дверцу, немолодой мужичок, заспешил к группке чиновников.

– Арнольдych наш пожаловал, – констатировал Двуха.

Асфальтоукладчик за спинами троих витязей затих, остановившись. Рабочие побросали инструмент, возбужденно перешептываясь.

– Два часа еще до конца рабочего дня, – обернулся к ним Двуха. – Чего это вы, братцы, расслабились?

– Так ведь... вон оно как, – ответили ему. – Сейчас нас, видно, разгонять будут.

– Беспокоиться не о чем, – проговорил Трегрей. – Извольте продолжать.

– А мы и не беспокоимся, – полуголый, черный от солнца водитель асфальтоукладчика развернулся на сиденье. – Чего нам беспокоиться? Нас-то не тронут. А если даже и тронут – лично мне не страшно. Я уже умирал один раз. В детстве. Упал с качелей, лоб себе расшиб. Очухиваюсь – мама родная! Я в морге посреди жмуриков! Орать начал, понятное дело. Прибежали санитары, башку чешут: вот же, в сопроводилровке написано: «Упал. Опух. Умер». Вызвали докторов, которые меня на скоряке везли. А те ржать начали. Это, говорят, мы сократили просто по причине спешки. «Опух. Умер.» – значит опухоль умеренная. Шишка у меня на лбу была...

– Не беспокоимся мы, – прервал кто-то из рабочих говорливого водителя. – Просто цирк охота посмотреть...

– Будет цирк, – пообещал ему Двуха. – Аплодировать только не забывайте. Ну что, парни, пошли?

– Действуем по обстоятельствам? – осведомился Сомик.

– Как обычно, – ответил Трегрей.

Витязи тронулись с места. Первым шел Олег. По бокам, чуть отставая, Сомик и Двуха. Чиновники, сопровождаемые охраной, двинулись им навстречу. При чем мэр Кривочек Иван Арнольдович Налимов, волшебным образом ставший одного роста с низеньким Карповым, семенил вслед за гендиректором «Саратовоблжилстроя», непрерывно бормоча что-то и то и дело выпрыгивая вперед, чтобы по-собачьи заглянуть ему в лицо.

Витязи и чиновники сошлись метрах в десяти от засыпанного оврага. Охранники тут же профессионально растянулись полукругом. Руководил ими коренастый мужчина, очень похожий на краба из-за выпученных, молниеносно бегающих из стороны в сторону глазок и мощных клешнеобразных ладоней. Подчинившись его жесту, трое охранников зашли парням за спину.

Несколько секунд было тихо. Карпов без стеснения рассматривал троицу. Видимо, ему уже донесли, кто из этой троицы и являлся Трегреем, поэтому крупного, гладкого, по-деревенски румяного Сомика и лопоухого Двуху, в облике которого до сих пор без труда улавливались неизжитые черты «четкого пацана с городской окраины», Никита Ильич едва удостоил взглядом. А вот Олега ощупал глазами с головы до ног. Словно не верил, что этот невысокий темноволосый крепкий, ничем не примечательный парень двадцати с небольшим лет – и есть предводитель тех самых витязей, о которых гуляло по области столько устрашающий слухов.

Потом Карпов грозно спросил:

– Кто такие?!

– А то ты сам не знаешь... – не особо заботясь о том, чтобы его не слышали, бормотнул Двуха.

Гендиректор «Саратовоблжилстроя» услышал. Лицо его побагровело, а круглая фигурка, казалось, раздулась еще больше, уже совершенно уподобившись воздушному шару, удерживаемому сразу двумя нитями.

– Мы ведь знакомы, Никита Ильич, – доброжелательно проговорил Сомик. – Ну, если хотите... Сомик Евгений Борисович. – Приложив руку к левой стороне груди, он чуть поклонился. – Будь достоин!

– Чего? – удивился Карпов. – Зачем «достоин»? Ты депутат, что ли? Из новых? Ну, знаю, знаю... Тоже с этими ненормальными связался?

– Они, Никита Ильич, с самого начала вместе, – поспешил доложить Карпову Иван Арнольдович. – Одна компания...

– ОПГ это называется, а не компания! – громогласно высказался Карпов. – Банда! Преступное сообщество. И я это сообщество разведу!.. По разным камерам!

– Игорь Анохин, исполнительный директор «Витязя», – представился Двуха и тоже неглубоко склонил голову. – Будь достоин!

– Да что они заладили: «достоин, достоин...»? – обратился к своей свите Никита Ильич. – Хорош исполнительный директор! Рожа прямо бандитская.

– Вам виднее... – не удержался Двуха.

– Олег Гай Трегрей, – произнес Олег. – Генеральный директор компании «Витязь». Будь достоин, Никита Ильич.

– Трегре-эй!.. – зловеще протянул Карпов. – Трегрей, значит... Ну, что делать будем с тобой, генеральный директор Олег Гай Трегрей? В поганую ситуацию ты попал. Как выкручиваться собираешься?

– Вперво, благоволите представиться, – вежливо попросил Олег. – Засим – объясниться. Что в вашем понимании является поганой ситуацией и зачем мне из нее, как вы изволили выразиться, выкручиваться?

– Да вы издеваетесь тут надо мной?! – захохотал гендиректор «Саратовоблжилстроя». – Благоволите! Извольте!.. Дурака во мне увидели, а?! Я спрашиваю: это что такое?! – он ткнул пухлым пальцем по направлению к сгрудившимся вокруг неподвижного асфальтоукладчика рабочим.

– А это мы дорогу восстанавливаем, – охотно ответил Двуха. – Чтобы, значит, с областным центром общаться удобнее было. У нас восемьдесят процентов продукции в Саратов идет. Да и местным жителям полегче станет. Студенты, например, на место учебы смогут на велосипедах добираться, а не в автобусе трястись вкруговую. Шестнадцать километров – это не пятьдесят...

Двухе не удалось договорить. Никита Ильич Карпов подпрыгнул, взмахнул руками:

– Дорога?! – взвизгнул он. – Где вы здесь дорогу видите? Кто-нибудь здесь дорогу видит?

– Самовольное сооружение... – шепотом подсказал мэр Налимов.

– Вот именно – самовольное сооружение! Кто вам разрешил тут хозяйничать, щенки? Если каждый сопляк будет где попало строить что вздумается – не считаясь с планами градостроительства, что тогда получится? Развел тут анархию! – обрушился Никита Ильич на склонившего повинную голову мэра Налимова. – Как они у тебя на башке ничего не построили!..

– Анархия недопустима ни в каком деле, бесспорно, – вступил Олег. – Тем паче в градостроительстве. Но дорога действительно необходима. И проект по ее созданию утвержден в самых высоких инстанциях. Только не осуществляется в должной мере по причине лютого сребролюбия и преступного небрежения своими обязанностями. А мы напросте довели начатое вами дело до логического завершения.

Карпов на минуту потерял дар речи. Свита его замерла, разинув рты.

– По... по какой причине? – Никита Ильич наконец обрел возможность говорить, впрочем, заикаясь. – Ты... ты соображаешь, сопляк, кто перед тобой стоит?!

– Да обыкновенный ворюга, – бесстрашно брякнул Двуха. И Карпов онемел вторично.
– Вы с ума посходили, ребята? – простонал Иван Арнольдович. – Вы хоть понимаете, что творите? Зачем вы так?

– Зачем? – переспросил Олег. – Напросто мы хотим жить по закону и совести.

– Мы в Кривочках поселились, – добавил Двуха, – поэтому это теперь наш город.

– И за все, что здесь происходит, несем полную ответственность – тоже мы, – сказал Сомик.

– Ваш го-оро-од?! – вытупил глаза Никита Ильич. – С хрена ли он ваш? Вы что... совсем, что ли, ненормальные? Никогда ничего вашего в этой стране не было и не будет! – громко отчеканил он. – Это наш город! Вот он!.. – Карпов так резко отмахнул рукой в сторону мэра Кривочек Ивана Арнольдовича, что нечаянно шлепнул того внешней стороной ладони по лицу. – Вот он поставлен за городом смотреть! Ему, значит, и решения принимать, и ответственность нести! А вы кто? Кто такие? Да – тьфу, никто! Грязь из-под ногтей!

– Все-таки за словами-то следить неплохо было бы... – небрежно заметил, игранув скулами, Двуха.

– Иван Арнольдович прескверно справляется со своими обязанностями, – спокойно сообщил Олег. – К большому нашему сожалению. Посему ко времени следующих выборов мы намерены позаботиться о более достойной кандидатуре в мэры.

Карпов в третий раз утратил дар речи. Закатив глаза, он картинно схватился за сердце.

На трассе показался экскаватор. Трое витязей удивленно переглянулись. Кажется, такого поворота событий они не ожидали. А Карпова, хрипло отдувающегося, не могущего произнести ни слова, свита под руки отвела в сторону. Похожий на краба начальник охраны подбежал к нему, быстро-быстро зашептал на ухо. Никита Ильич яростно закивал, отмахивая рукой, точно рубил что-то в воздухе. Начальник охраны отскочил было от Карпова, но тотчас вернулся к нему:

– И депутата? – громче, чем до этого, спросил он.

Карпов снова рубанул рукой.

Крабоподобный совсем по-разбойничьи свистнул. Охранники немедленно взяли витязей в плотное кольцо. Витязи, правда, никакого беспокойства по этому поводу не выказали. Их занимало другое.

– Никита Ильич, вы серьезно, что ли, с экскаватором? – выкрикнул Карпову Сомик.

– Никаких самовольных сооружений на нашей земле нет и не будет! – откликнулся кто-то из копошащейся вокруг Карпова чиновничьей кучки. – Все, что вы тут нагородили, немедленно уничтожат!.. А с вами...

– Пожалее, падлы, что на свет родились! – проорал прорезавшимся вдруг голосом Никита Ильич, вскидываясь на заботливо держащих его руках.

– Да бред какой-то, – посмотрев на Олега, произнес Двуха. – Анекдот! Я правильно понял: он собирается овраг обратно раскапывать?

– Я уж грешным делом подумал, что ничем меня наши власти не удивят, – сказал Сомик. – Поторопился. Эй, руки убери, – отстранился он от наступавшего на него начальника охраны. – У меня вообще-то депутатская неприкосновенность!

– А к вам никто и не думает прикасаться, Евгений Борисович, – ласково сказал крабоподобный и ловко выхватил пистолет из кобуры. – Пожалуйста к нам в машину. Нужно проехать в одно место, потолковать. А вы кто у нас будете? – осведомился он у Трегрея, направив ствол пистолета на него. – К вам-то прикасаться законом не запрещено?

– Хорошо, что спросили, – спокойно ответил Олег. – Я – урожденный дворянин. И обязан уведомить вас в этом, чтобы вы знали, с кем будете иметь дело.

– Всенепременно примем во внимание, – быстро наладившись на такой же тон, пробормотал начальник охраны.

– А я – пацан простой, – громко заявил Двуха. – Меня трогайте сколько угодно, я не против. Только учтите, я в обратку тоже потрогать могу...

В подтверждение своих слов он перехватил метнувшийся к нему кулак и сильно дернул руку нападавшего на себя и вверх. Охранник с криком взвился в воздух и, словно вытасченная из воды рыба, пролетел над головами своих товарищей. Рухнул оземь и больше не шевелился.

В ту же секунду Сомик молниеносным рывком отобрал пистолет у начальника охраны и смял оружие в руке, будто оно было не стальным, а пластилиновым. Глаза начальника охраны еще сильнее выкатились из орбит, отчего его сходство с крабом усилилось многократно.

На Олега бросились с разных сторон сразу четверо. Трегрей встряхнулся, расшвыряв здоровенных парней, как брызги.

На том схватка и кончилась. Кольцо вокруг витязей распалось полудесятком отдельных суесящихся фигурок. Трегрей небыстро двинулся навстречу экскаватору, сползшему с трассы. Охранники шарахнулись с пути генерального директора компании «Витязь».

– Куда ты? – позвал его Сомик, но Олег не ответил.

Упруго такнул пистолетный выстрел. Двуха, прыгнув к стрелявшему, отобрал пистолет и, сцепив от натуги зубы, разорвал оружие надвое.

– Еще кто-нибудь шмальнет, руки переломаяю!.. – выкрикнул он. – Я не шучу.

– Чего делать-то, шеф? – с хорошо заметными истерическими нотками в голосе обратился один из охранников к своему начальнику. – Это ж... что они творят?.. Это ж... уму непостижимо!..

Крабоподобный был, видимо, человеком неглупым. По крайней мере, ситуацию он оценил верно.

– Отходим! – скомандовал он.

– Весьма разумно, – похвалил Сомик.

– Только волыны оставьте, – присовокупил Двуха. – А то кто вас знает, с перепугу пуляться начнете. А на мне костюм новый. Бросай волыны, задрыги!

– Н-не имеем права... – Начальник охраны, дрожа выпученными глазами, встал перед ним – на безопасном, впрочем, расстоянии. – Оружие ведь... под расписку получено...

– Потом заберете, – безапелляционно объявил Двуха. – Никуда оно не денется, слово даю. Отойдите на полсотни шагов и стойте смирно, пока не получите дальнейших распоряжений.

Начальник охраны беспомощно оглянулся. Чиновники в полном составе резво бежали к своим машинам.

– От меня – распоряжений, – уточнил Двуха.

– Раненых дозволите забрать?

– Что мы, звери, что ли? Забирайте, конечно.

Олег остановился. Экскаватор, не доехав до него всего нескольких метров, вдруг тоже затормозил.

На виске Трегрея вспухла синяя жилка.

Через лобовое стекло кабины экскаватора было хорошо видно, как лицо водителя – только что тревожно сосредоточенное – вдруг обмякло, точно водитель этот уснул с открытыми глазами. Но тело его продолжало двигаться: ноги нажимали на педали, руки перебирали рычаги.

Экскаватор развернулся и, угрожая задрать ковш, поехал в обратном направлении, все набирая скорость. Он добрался до автомобилей скорее, чем туда добежали чиновники. А добравшись, принялся методично крушить чиновничий автопарк – чудовищный ковш раз за разом вздымался и опускался, знаменуя каждое поступательное движение звоном стекла и металлическим скрежетом. Когда все шесть дорогих иномарок были превращены в бесформенные лепешки, экскаватор замер. Занесенный для очередного удара ковш застыл в остывающем вечернем воздухе. Минутой позже (чиновники, не осмелившись предпринять ни единой

попытки остановить вакханалию, вразнобой вскарабкались на трассу и пешком припустили по ней в сторону города) – минутой позже из высокой кабины экскаватора выкатился водитель.

Схватив себя за волосы, он закружился, поминутно приседая, вокруг учиненного им же разгрома. При этом он отчаянно вопил:

– Это не я! Не я виноват! Я не хотел!.. Гипнотизеры заставили!..

– Олег? – шагнул к Трегрею Сомик.

Трегрей разрешающе кивнул. Лицо его было бледно, на лбу крупными каплями выступил пот. Но синяя жилка не билась больше, она исчезла, растворившись под кожей, снова став невидимой.

– Представление окончено! – тут же позвал Двуха послушно стоявших в сторонке охранников. – Берите стволы и валите отсюда!

Проследив, как парни, опасливо косясь на страшных витязей, разбирают сваленные грудой пистолеты и по одному ретируются к трассе, Двуха отступил к Олегу.

– Круто было! – искренне признался он. – Давненько мы так не веселились!

– Слишком круто, – сказал Сомик, внимательно посмотрев на Трегрея. – Ты вроде никогда не был сторонником подобного рода... устрашительных акций? До сих пор мы только защищались, никогда не переходя в наступление.

– Все меняется, – сказал Олег. Он поднял руку, как-то странно повел ею, словно нащупывая что-то в воздухе, и вдруг улыбнулся. – Вы не чувствуете, соратники? Все меняется. Мир меняется.

– Теперь власти нам точно жизни не дадут! – весело проговорил Двуха.

– Значит, пришла пора самим становиться властью, – ответил на это Трегрей.

Сомик секунду подумал.

– Ага! – просияв, сказал он. – Вот оно что! Это – получается – мы официально объявили о начале военных действий?

– Вестимо, – произнес Трегрей.

– Значит, насчет того, что мы своего кандидата на пост мэра выдвигать будем, ты не шутил?

– Было похоже, что я шутил?

– Да нет... К тому все и шло, честно говоря. С этим Налимовым все равно каши не сваришь. Под ногами только путается.

– И кого предполагаешь?

– Пересолина, – уверенно ответил Олег.

– Нормально, – одобрил Двуха.

– Так-то, если здраво рассудить, лучшего мэра мы и не придумаем, – чуть помедлив, согласился и Сомик.

Двуха развернулся к испуганно притихшим рабочим:

– А где обещанные аплодисменты?

Прожаренный солнцем мужик на асфальтоукладчике со стуком захлопнул рот и, сдвинув на затылок оранжевую каску, неловко ударил в ладоши.

Глава 2

– Странно, что так тихо, – проговорил исполнительный директор ЗАО «Витязь» Игорь Анохин. – Подозрительно тихо.

Это утверждение совсем не соответствовало действительности. За окнами кривочского офиса витязей оглушительно пульсировала бодрая электронная музыка – аж стекла, вибрируя, позвякивали. В такт этой пульсации ночные городские сумерки то вспыхивали, то гасли разноцветными огнями.

– Неделя прошла с тех пор, как мы эту банду толстопузую разгромили, а все тихо, – добавил Двуха. – Удивительно, да?

– Любопытно, – пошевелившись за столом перед компьютерным монитором, согласился Олег. Щелкнул мышкой, и из принтера один за другим выползли несколько листов с какими-то сложными чертежами. Олег разложил перед собой эти чертежи, углубился в их изучение.

– Чего ты сам мучаешься с палестрой? – покосился на чертежи Двуха. – Поручи какому-нибудь дельному архитектору, он тебе вмиг все сделает. У профессионала-то лучше получится.

Олег мотнул головой.

– Профессиональный архитектор здесь только навредит, – сказал он.

– Объяснил бы ему нормально, не навредил бы... Да хоть кому бы объяснил, чего ты добиться хочешь! Что мы строим? Палестру! Школу героев! Родовое гнездо для постигающих Столп Величия Духа. Учебное заведение закрытого типа. Фундамент, стены, крыша – что еще нужно? А ты все выпендриваешься. Штуковин всяких понатыкал, вертишь их туда-сюда, новые заказываешь, старые переделываешь. Рабочие смеются: в конструктор, мол, играем; проезжающие останавливаются сфоткаться...

– Мог бы объяснить – объяснил, – тихо сказал Олег и потер ладонями глаза. – Самому себе не могу объяснить. Тут только почувствовать надо.

– Что почувствовать?

– Сплетение энергетических потоков, – ответил Трегрей. – Энергетическую оптиму, позволяющую активизировать скрытые ресурсы человеческого организма. Вот ты сколько постигал первую ступень Столпа? Больше двух лет. А при наличии энергетической оптимы был бы способен постичь ее за несколько месяцев. Представляешь, сколько молодежи мы сумеем обучить в самые краткие сроки?

– В Академию наук тогда запрос отправь.

– Боюсь, здешняя Академия наук ничем мне поспособствовать не сможет.

– Дались они тебе, эти потоки и эта оптим... – проворчал Двуха. – Ночь на дворе уже... Может, по домам? Мансур сам за всем приглядит...

– Еще немного, – кивнул Олег. И снова зашуршал своими чертежами.

Двуха отошел к окну, посмотрел вниз. Грохот музыки на несколько мгновений смолк, и эта пауза немедленно взорвалась восторженным ревом толпы.

– Не, общественный резонанс, конечно, это самое... имеет место быть, – вернулся Игорь к первоначальной теме разговора. – Слухи всякие... В инете даже видосы ходят – как мы охрану раскидывали, как экскаватор орудовал. Правда, мутные видосы, некачественные, хрен там что подробно разглядишь. Все-таки работяги снимали на свои звонилки, а не какие-нибудь сам-себе-режиссеры с нормальной техникой. А вот официальной реакции как-то не слышно. Ну, ментов-то хотя бы Карпов на нас мог натравить – за уничтоженные тачки? И ведь этого нет. Странно, ага?

– Любопытно, – снова кивнул Олег.

Музыка за окнами снова оборвалась. Усиленный динамиками профессионально-развеселый голос протрубил:

– Дорогие жители нашего славного города Кривочки! И-и-и снова хочу поздравить всех нас с Днем города, пожелать нам с вами здоровья и процветания!..

– У-у-у-а-а-ы-ы!.. – завывала толпа.

– Сейчас нас ждет выступление детско-юношеского танцевального коллектива «Веснушки»! Ребята исполнят зажигательную композицию «Веселый паровозик»!

– Э-э-у-у!..

– Потанцуем, хорошие мои!.. – жизнерадостно предложил разбитной ведущий. – Но прежде чем пуститься вместе с вами в пляс, позвольте мне еще раз напомнить... О невероятном! Умопомрачительном! Сумасшедшем!.. Сюрпризе, который ждет нас в конце этого незабываемого вечера! Да! Да!.. Для вас споет великий!.. Неповторимый и единственный!.. Легенда отечественной рок-музыки! Александр Гуревич и его «Война Миров»!

Людской рев, вой, свист и визг, свившись в тугой ком, взметнулись вверх и ударили по окнам офиса с такой силой, что Двуха даже отшатнулся, словно боясь, что стекла не выдержат и взорвутся снопом осколков.

– А сразу после «Войны Миров»!.. – Голос ведущего едва было слышно за шумом толпы. – Традиционный салют!..

– До сих пор не верится, – сказал Двуха, возвращаясь к столу. – Сам Гуревич у нас в Кривочках! Наверно, не он все-таки... Наверно, двойник его. Лицензию купил и шпарит по провинции. Будет тебе реальный Гуревич в нашу деревню заезжать! Чтобы просто на Дне города сбачать!..

– Почему бы и нет? – пожал плечами Трегрей. – Музыканту, миновавшему пик популярности более тридцати лет назад, разве гоже привередничать?

– Так-то оно, конечно, так. Тем более что Гуревич сейчас уже не столько заслуженный рокер всея Руси, сколько икона оппозиции. Активный борцун с нынешней властью. И выступает он чаще не просто так – песенки попеть, а в рамках какой-нибудь очередной оппозиционной акции. Но все равно же – легенда! Где он, и где наши Кривочки... Неужели не понимаешь?

Двуха вдруг уставился на Олега.

– Ну-ка? – попросил он. – Можешь вспомнить хотя бы строчку из какой-нибудь песни «Войны Миров»?

– Я совершенно не знаком с творчеством этих музыкантов.

– Ни единой строчечки?

– Увы.

– Вот! – с дурашливой торжественностью выстрелил пальцем в потолок Двуха. – Сразу видно человека не отсюда. Хоть иностранца, хоть... иномирца. Палитесь, господин иномирец. Сильнее, чем из-за этих ваших словечек, от которых почему-то все никак не избавитесь... Я-то весь этот рок как-то не очень... не воспринимаю, короче говоря. Мне другая музыка нравится, попроще, душевнее: чтоб про жизнь, про людей, про любовь, про тюрьму... Но все равно – пару-тройку песен «Войны Миров» по памяти напеть смогу. И всякий, кто в России с детства жил, кто по-русски говорит, сможет. Куда деваться, если с детства из каждого утюга долдонит?..

Отворилась дверь, и в комнату боком протиснулся громадный Мансур, немедленно заполнив собой едва ли не половину всего пространства. Руководитель частного охранного предприятия «Витязь» был хмур и озабочен:

– Не спится вам, э?

– Энергетические потоки ловим! – откликнулся Двуха. – Энергетическую оптиму отслеживаем. Не до сна нам!

– Все сделано, – устало потирая мощную шею, отрапортовал Мансур. – Центр города на квадраты разбили, каждый квадрат пятерка ребят контролирует. Ребята тренированные, каждый не менее года Столп постигает, у каждого первая ступень, новичков не брал. А то шайтан его разберет, что творится, мамой клянусь!.. – съехал он с делового тона на довери-

тельный. – Понаехали из Саратова толпы волосатых, бухают, песни орут, все Гуревича своего требуют. Площадь бутылочным стеклом и окурками посыпана, как сочинский пляж. К местным цепляются, а местные – к ним. Восемь раз уже драки разводили.

– А менты? – поинтересовался Двуха.

– А что менты? Своих не трогают. А кое-кого из пришлых, кто не слишком опасно выглядит, шмонают и штрафуют прямо на месте. Натурой штрафы берут. Участковый с помощником уже так наштрафовались, что сами друг другу в волосы вцепились, старые обиды вспомнили – они ж двоюродные братья. Я их в опорном пункте запер.

– За торговыми точками наблюдение ведется? – спросил Олег.

– Само собой. В каждом магазине наш человек стоит, смотрит, чтобы спиртное не отпущалось – ровно с двадцати двух ноль-ноль стоит, как полагается. Ко дворам дяди Пети, Егорыча, Симонихи и Анзорики... ну, там, где самогоном торгуют, тоже люди приставлены. Сейчас половина второго, да? Так вот дядю Петю с десяти до часу уже трижды штурмом брали, Анзорики – два раза.

– Ну наро-од!.. – со смехом протянул Двуха.

– В общем, справляемся, – подытожил Мансур. – Пока ничего серьезного. Только замначальника местного ГИБДД на машине пьяный в ограду нашего ателье въехал. Как нас увидел, бежать пытался. Задержали. Нетрудно было, он на четвереньках бежал...

– Там камеры видеонаблюдения стоят, – припомнил Двуха. – Не отвертится теперь... – Он вдруг насторожился и шагнул к окну. – Еще подъехал кто-то. На трех машинах.

Через минуту со словами:

– Вы не поверите, кого я вам привез! – в комнату влетел ликующий Сомик.

Следом за Женей ловко втиснулся спиной вперед мужичок, непрестанно и сочно щелкающий громоздким фотоаппаратом, а за мужичком с достоинством вплыл, озаряемый частыми вспышками, собственной персоной легендарный рок-музыкант Александр Гуревич, коего без труда можно было опознать по седой, кольцами закрученной бородке, по знаменитой кучерявой шевелюре, напоминавшей воронье гнездо, и невесть как держащейся на пегом этом гнезде не менее знаменитой шляпе с акульими зубами на тулье. Зубы, как всенародно известно, легенда, слышавшая еще и признанным авторитетом в сфере подводной охоты, добывала самостоятельно.

Секундой позже в помещение ввалилась галдящая ватага косматых, вычурно разодетых старцев – это, видимо, были музыканты «Войны Миров» в окружении особо приближенных поклонников. В общем, в офисе стало так тесно и шумно, что Мансур, чтобы никого ненароком не раздавить, предпочел, наскоро попрощавшись, retirоваться.

– Вот это да! – ахнул Двуха. – Сам Гуревич!.. Слышь, дружище! – тут же ухватил он за воротник фотографа. – Ну-ка, щелкни меня с ним!

Впрочем, оказавшись в непосредственной близости от легенды, Игорь опомнился и неумело засмутился:

– Позвольте, Александр Максимович?

Александр Максимович величаво позволил. После чего, пока Двуха бестолково гомонил, требуя у фотографа немедленно скинуть ему получившуюся фотографию на телефон, отыскал глазами поднявшегося из-за стола Трегрея:

– Вот вы какой, Олег Мор-рисович! Я вас сразу узнал! – «Р» у легенды рок-музыки выходило удлинено рыхлым, на французский манер.

– Будь достоин, – поклонившись, произнес Олег.

Гуревич на мгновение опешил:

– Кто? Я?.. Х-хорошо, буду... – Но сразу взял себя в руки, протянул Олегу сложенную лодочкой ладонь, и, не удовлетворившись рукопожатием, крепко обнял. – Невыр-разимо рад познакомиться! Столько слышал о вас! Я, Олег Морисович, искренне счастлив, что в России

остались еще люди, стремящиеся жить не по лжи, но по совести! Такие, как мы с вами!.. – Гуревич, не отпуская Трегрея, все обнимая его за плечи, развернулся к почтительно притихшей аудитории. – Жить не по лжи, но по совести! – громко и раздельно заговорил он. – Возможно ли это в нашей несчастной стране? В стране, где малая часть населения – мерзавцы, прогр-рызшиеся к кормушке – жирует с откатов, а ограбляемое большинство – дураки и трусы – молчит, потому что боится потерять то немного, что имеет? В нашей стране, оболваненной лживой пр-ропагандистской прессой, где...

Гуревичу передали гитару, и речь его, явно заранее сочиненная и старательно заученная, органично перетекла в песню. Трегрей отошел в сторонку и был тут же перехвачен неким молодым человеком в скромной серой рубашке и серых же брюках, незаметно проникшим в помещение офиса вслед за шумной ватагой.

– Олег Морисович, – сверкнув очками, шепнул молодой человек. – Можно вас на минутку?

– Извольте, – ответил Олег.

– Вот сюда, на диванчик, здесь попросторнее...

– Задушен сатр-рапом и палачом!.. – раскатисто грассировал Гуревич под гитарное бряканье, – многостр-радальный р-русский народ!..

Косматая ватага умильно внимала, не мешкая, впрочем, расставляя на столе фигурные бутылки с дорогим алкоголем, с треском распаковывая упаковки мясных и сырных деликатесов.

Усевшись рядом с Трегреем, молодой человек интимно похлопал его по колену:

– Вы, Олег Морисович, человек занятой. Поэтому не буду излишне отвлекать, позволю себе сразу перейти к сути нашего предложения. Предложения, от которого трудно отказаться...

– Чьего предложения? – уточнил Олег.

Молодой человек хихикнул:

– Простите, забыл представиться... Рудольф. Вот моя контактная информация. – Он снова всунул в нагрудный карман рубашки Трегрею пару визитных карточек, одну из которых Олег тут же вытащил, повернул к себе лицевой стороной.

На карточке, кроме вышеозвученного имени, нескольких телефонных номеров и адреса электронной почты, ничего не было.

– Любопытно, – оценил Олег, – ни отчества, ни фамилии, ни организации, которую вы представляете... Довольно скудно.

Молодой человек Рудольф длинновато посмеялся – видно, собираясь с мыслями, что сказать.

– Традиции революционной конспирации, – ответил он наконец. – Шучу, конечно. Но в каждой шутке, как говорится... Ведь наша с вами деятельность, Олег Морисович, мягко говоря, не одобряется властями. Сами знаете, в полицейском государстве живем...

– Ничего не понимаю, – мягко прервал его Трегрей. – Что за деятельность? И почему она – наша с вами?

Рудольф подмигнул ему:

– Ну, что за деятельность может быть у оппозиционеров? Боремся с многочисленными пороками нынешней власти. Если б не мы, равнодушные граждане своей страны, эти гады совсем бы зарвались, окончательно обнаглели бы в своей безнаказанности... Как вы, Олег Морисович, местным властям нос-то утерли!.. – вдруг выпалил он и причмокнул языком, будто только что проглотил ложку горячего и вкусного супа. – М-м, красота!

– В стране холуев лишь голодный-холодный пр-рав! – распевно тянул тем временем Александр Гуревич. – Лишь голодный-холодный – мне бр-рат...

– На черный хлеб икру мажь! – шипели между собой, суетясь вокруг стола с закусками престарелые поклонники рок-легенды. – Куда ты белый схватил? Александр Максимович

не признает икру на белом... И половинку оливки сверху! Ага, правильно... И веточку укропа, Александр Максимович так любит. Где у нас укроп? Александр Максимович обожает укроп! Почему укроп не взяли? Вы что, с ума все посходили?!

– Давайте начистоту, Олег Морисович, – участливо поблескивая очками, наклонился ближе к Трегрею Рудольф. – Вы на что надеялись, когда на открытую конфронтацию с властью решились? Ведь проблема-то яйца выеденного не стоит. Подумаешь, прямая дорога между городами! Не такие уж значительные убытки ваша компания терпит, когда транспорт вкруговую гоняет. Следовательно, дело тут в другом. Внимание на себя хотели обратить?

– Отнюдь, – сказал Олег, а Рудольф, хохотнув, снова хлопнул его по колену:

– Ну-ну-ну! Мы же вроде договорились – начистоту! Разве нет? Все правильно, реклама – двигатель торговли. Вы сделали ставку, Олег Морисович, и ставка сыграла.

Рудольф полностью развернулся к Олегу, чуть подпрыгнул на диванчике и развел руки, словно для объятий:

– И вот мы здесь!

– Очень приятно, – отозвался Трегрей. Теперь он смотрел на собеседника внимательно и с большим интересом. – Я слушаю вас.

– Ну-с, начнем! – явно обрадованный такой реакцией молодой человек Рудольф потер ладошки. – Значит, так, Олег Морисович. Житья вам власти после вашего демарша не дадут; год-два, и ваши предприятия пойдут с молотка – тут уж чиновники расстараются, можете мне поверить... То, что вы сделали, не прощается. Это понятно, по-моему. Из этой ситуации мы предлагаем вам следующий выход... Кто вы сейчас? Хоть талантливый и многообещающий, но... рядовой бизнесмен из маленького городка. Фигура регионального масштаба. Задавить такого – областным чиновникам, откровенно скажем, особого труда не составит. Что делать? А вот что: необходимо подниматься. Необходимо выходить на федеральный уровень. С нашей помощью вы этой цели достигнете... ну, скажем, года через полтора. Если пожелаете, уже завтра наши специалисты займутся пиар-разработкой вашего образа: юный предприниматель, словом и делом радеющий за Отечество, непримиримый борец с коррупцией, надежда России, ля-ля-ля, тра-та-та... Интервью, приглашения на телепередачи, конференции, встречи с пострадавшими от чиновничьего и полицейского беспредела, с правозащитниками. И контакты с новыми партнерами, само собой. В том числе, – тут Рудольф воздел очи горе и произнес с этаким придыханием: – Даже и оттуда...

Олег послушно поднял взгляд и посмотрел на потолок, а Рудольф наклонился к его уху и жарко зашептал:

– Каковы перспективы-то, а? Мы обеспечим вам всероссийскую известность, которая и гарантирует выход на федеральный уровень. Кто вас тогда осмелится тронуть? Да пусть только попробуют, мы такой крик подыдем! Далеко-о за пределами страны слышно будет!

– Звучит неплохо, – ровно ответил Олег.

– Бизнес – штука непредсказуемая, – с воодушевлением продолжал Рудольф. – Как бы дела хорошо ни шли, от риска все потерять никуда не денешься, правильно, да?

– Вестимо.

– Но вам, Олег Морисович, обеспечена будет от нас – если согласитесь на сотрудничество – определенная финансовая поддержка. Не тая скажу, немалая финансовая поддержка. А как иначе? Вы – наш проект, мы кровно заинтересованы в том, чтобы вы оставались на плаву.

– Разумно...

– А что дальше, спросите вы меня? А дальше – больше. Вот тут-то и начинается самое интересное, Олег Морисович. Известность и деньги – куда открывают двери? Правильно, в большую политику. Итак, через полтора года вы, Олег Морисович, медийная личность: бывший детдомовец – вы ведь в детдоме воспитывались, так? – поднявшийся до невиданных высот благодаря исключительно собственному трудолюбию, таланту и (важно!) самоот-

верженной честности. Доблестный сокрушитель вороватых чиновников-кровопийц. Защитник униженных и оскорбленных. Флагман оппозиции! – Это определение, видимо, понравилось Рудольфу, и он повторил его еще раз, с большим подъемом. – Флагман оппозиции!.. Бешеная популярность вас ждет, Олег Морисович! Как только соответствующего возраста достигнете – губернаторское кресло вам обеспечено, не ниже... А уж потом... Кто знает, Олег Морисович, кто знает... Быть может, в учебники по отечественной истории войдете... Ну? Как вам?

– Заманчиво, – столь же коротко отозвался Трегрей.

– А то как же! Еще бы! Мы ведь, Олег Морисович, открываем вам путь во власть! В ту самую власть, что в России пропитана коррупцией и воровством. И бороться с ней, хоть сколько-нибудь адекватно ей противостоять можно только в том случае, если ты сам имеешь определенные рычаги управления действительностью. Если ты и сам – власть. Чтобы победить дракона, как говорится, нужно самому стать драконом. Только так, и никак иначе! Я прав, Олег Морисович?

– Бесспорно.

– Рад, что мы поняли друг друга. Очень рад!

Рудольф – должно быть, от избытка чувств – взвизгивающе рассмеялся, схватил руку Олега в обе ладони и потряс ее:

– Запомните, Олег Морисович, этот момент! Именно с этого момента начинается ваше великое будущее!

Гуревич как раз закончил очередную песню затихающим перебором. Заплескали было аплодисменты, но легенда погасил их вялым движением руки.

– Не надо, ребята, не люблю я этого, знаете же... – томно выговорил он.

Ему тотчас же поднесли пузатый бокал и аккуратно сконструированный бутерброд. Александр Максимович исследовал бутерброд со всех сторон, недовольно заметил:

– Укроп-то забыли... – и вопрошающе обернулся к диванчику.

– И нам, и нам! – радостно закричал Рудольф. – За взаимопонимание надо выпить непременно!

– И за музыку! – вякнул кто-то из поклонников. – Всем коньяка!

По бокалу получили и витязи.

– Простите, – проговорил вдруг Олег, ставя свой бокал на подлокотник дивана, – только один вопрос.

– Все что угодно! – с готовностью откликнулся Рудольф. – Но сначала – за музыку!

– Очень хотелось бы узнать – кто заказывает музыку?

– Как это? – нахмурился Рудольф, опустил бокал, а Гуревич, приосанившись, с достоинством произнес:

– Я выступаю в Кривочках совершенно бесплатно. В рамках, так сказать, дружеской помощи единомышленникам.

Трегрей кивнул рок-легенде со сдержанной благодарностью. И повернулся к Рудольфу.

– А-а... – догадался тот, – вот вы о чем, Олег Морисович... Беспokoитесь о м-м-м... гарантиях? Уверяю вас, никакого обмана! Мы представляем очень серьезных и уважаемых лиц. И участие в нашем проекте Александра Максимовича разве не может являться гарантией?

– Да! – подхватил Гуревич, оскорбленно поджав губы. – Разве не может являться? Вы уж... что-то совсем... Обидно, знаете ли!..

– Да от вас и вложений никаких не потребуется! – на секунду прислонился плечом к плечу Трегрея Рудольф. – Вы деньги платить не будете. Вы их будете по-лу-чать!

– И все же, – не отступал Олег. – Любопытно знать, из какого источника я их буду получать?

– Да какая разница? – Рудольф всплеснул руками, пролив на брюки коньяк. – Вам и вашей команде, Олег Морисович, выпал уникальный шанс, а вы... подозрениями нас

оскорбляете! И если уж на то пошло... – добавил Рудольф уже спокойнее, – со временем все узнаете. Постепенно. А на данном этапе, уж извините, не вполне целесообразно предоставлять вам такую информацию. Традиции революционной конспирации! – повторил он, хихикнув. – Ну, в самом-то деле, Олег Морисович... Сейчас это совсем не важно...

– Отчего же? Для меня и моей команды – очень важно.

Двуха, глотнув, поставил бокал на стол, с интересом следя за разговором. Сомик перевел взгляд с Рудольфа на Гуревича. На румянном лице Жени явственно читалось недоуменное разочарование. Музыканты «Войны Миров» и престарелые поклонники их творчества обиженно зашуршали в несколько голосов.

– Для меня, например, очень важно понять, – говорил дальше Олег, – что же такое отечественная оппозиция? Вторые-третьи номера в политике, ничего не решающие, но проецирующие в общественное сознание иллюзию выбора, громоотвод для политически активной части населения, балаган на кремлевские средства? Или вполне реальная подготовка альтернативы государственному режиму, осуществляемая на деньги... иностранных друзей демократии? Вот я и хочу, коли уж состоялась наша встреча, разобраться в этом вопросе. Поможете мне?

Отрывисто звякнули гитарные струны – Гуревич, сняв ремень с плеч, передал гитару кому-то из своей свиты.

– Очень жаль! – трагически провозгласил легенда, прикрыв ладонью глаза. – Очень жаль, что мы так ошиблись в вас! Боже, как силен враг! Как глубоко въелся в ваши души яд официальной пропаганды! А ведь я полагал вас, молодой человек, своим соратником! Тем, с которым мы вместе раскачаем эту лодку косности, пошлости и тупого покорного равнодушия! Лодку под названием «Россия»!

– Может, все-таки не надо лодку раскачивать? – проговорил Двуха, глядя на Гуревича уже с неприязнью. – Знаем мы таких раскачивальщиков... Потому и раскачивают, что уверены: в любой опасный момент выпрыгнут и в другую лодку пересядут. Те, кто предполагает и дальше в своей лодке плыть, не раскачивают ее, а воду вычерпывают и дыры латают...

– Ах вы, щенки!... – мгновенно налился праведным гневом Гуревич. – Да вы с кем разговариваете?!

– Не нужно, Александр Максимович! – в голосе Рудольфа прорезался металл, а очки сверкнули угрожающе. – Не стоят они того. Была бы честь предложена... Пойдемте, вам сейчас выступать, людишки уже расшумелись сверх меры. Все уходим! – он дважды хлопнул в ладоши.

Сомик приоткрыл рот, наблюдая за тем, как потянулась прочь из комнаты пестрая толпа. Он даже дернул было рукой к поднимавшемуся со стула Гуревичу, словно чтобы остановить его. И проговорил:

– Олег, зачем же так? Нужно все-таки разобраться...

– Так я и хочу разобраться, – пожал плечами Трегрей.

И коротко глянул на Двуху. Тот без труда понял безмолвный приказ. Скользнул к выходу и, дождавшись, пока последний из свиты – мужичок с фотоаппаратом – покинет помещение, закрыл за ним дверь, щелкнул рычажком замка. Не успевшие ретироваться Гуревич и Рудольф замерли на месте.

– Это... как понимать? – оторопело прошептал Рудольф.

– Я ненадолго вас задержу, – встав с диванчика, успокоил его Трегрей. – Раз уж мне и моей команде, как вы утверждаете, выпал уникальный шанс, грех будет этим шансом не воспользоваться.

– Я предупреждаю! – взвизгнул вдруг Гуревич, приняв бойцовскую стойку и воинственно выставив вперед завитую бородку. – У меня черный пояс по карате и черный пояс по айкидо!

– Целых два пояса, значит, – высказался Двуха, юмористически глядя на рок-легенду. – Штаны точно не свалятся.

Трегрей шагнул к Рудольфу, поймал его взгляд...

– Это беспредел какой-то!.. – выкрикнул тот.

И внезапно застыл с открытым ртом, словно оледенев.

– Кто финансирует вашу деятельность? – задал вопрос Олег.

Голубая жилка на его виске запульсировала.

Рудольф вдруг вздрогнул всем телом. По лицу его пробежала мгновенная судорога, очки запотели.

Олег повторил вопрос.

– Ф... фонд «Возрождение», – скрипуче выговорил Рудольф.

И, вдруг придя в себя, ахнул и с размаху сел на пол.

– Помогите... – одними губами прошептал Гуревич.

Снаружи уже барабанили в дверь.

– Ломай! Ломай ее! – неслись крики из коридора.

– Полицию!

– Александр Максимович, держитесь, мы вас сейчас вытащим!..

– Простите великодушно за доставленное беспокойство, – церемонно поклонился Олег совершенно обалдевшему Гуревичу. – Игорь, отопри дверь.

Двуха щелкнул замком. Сразу несколько человек ввалились в комнату, едва не сшибив с ног рок-легенду. Ворвавшийся первым ломанулся вперед не разбирая дороги, налетел на вяло копошащегося на полу Рудольфа, споткнулся об него, грохнулся плашмя, невольно став основанием немалой такой кучи-малы, которую тут же и образовали влетевшие следом за ним.

Несколько минут в офисе «Витязя» было очень шумно.

Когда же всю компанию удалось наконец выдворить из помещения, Двуха, отдуваясь, плеснул себе коньяка, шлепнулся на диванчик:

– Ну дела... И чего это так очкастого перекосило?

– Психологический блок, – пояснил Олег. Выглядел он очень озабоченным. – Сведения, который нам выдал этот Рудольф, выдавать ему ни за что нельзя было.

– Серьезно у них, – покачал головой Сомик. – А Гуревич-то?.. Обидно, черт возьми. Вот так и рушатся идеалы юности.

Он вернулся за компьютер, защелкал мышкой:

– «Возрождение»... «Возрождение»... Ага, вот оно! Негосударственный фонд, финансируемый... Ну, так и есть! Робертом Соврусом финансируемый.

– Где-то когда-то что-то слышал, – проговорил с диванчика Двуха.

– Американский миллиардер, – сказал Трегрей. – Известный благотворитель и просветитель.

Женя Сомик присвистнул.

– А ведь из этого Совруса та-акие бабки можно было выкачать! – усмехнулся Двуха. – Может, стоило согласиться на предложение? Обогатились бы, а потом по бороде янки пустили, а? А чего, с него убудет, что ли, с миллиардера? А мы бы столько дел нужных сделали...

– Не думаю, что так все легко и просто, – сказал Олег. – Нас бы наверняка связали вполне конкретными обязательствами.

– Да и не отмоешься потом, – пробормотал, выглянув из-за монитора, Сомик. – Если даже и вовремя спрыгнуть удастся. Роберт Соврус – это ведь тот, который еще в девяностые всю российскую науку на гранты подсадил?

Олег утвердительно кивнул.

– Гранты? – заинтересовался Двуха. – Где-то когда-то что-то слышал... Что за тема?

– Тоже мне бизнесмен! – фыркнул Сомик. – Неужто не знаешь?

– Не выпендривайся, Сомидзе! – немедленно парировал Игорь. – Я босяком рос, школу только до шестого класса дотянул, на улице образование получал. Если б не армейка, сейчас бы точно шконку тюремную боками утюжил.

– Грант – это денежное пособие для проведения научно-исследовательских работ, – объяснил Олег.

– Соврус в свое время ой-ей-ей сколько миллионов долларов в российскую науку вложил, – подхватил Сомик. – А то и миллиардов. Родному-то правительству тогда совсем не до науки было...

– И что в этом плохого? – осведомился Двуха. – Что вложил?

– Ну, представь: допустим, ты молодой ученый...

Двуха тут же прыснул, подавившись коньяком.

– Я говорю: «допустим»! – сам улыбнулся Женья. – Ты – молодой ученый, осененный вдруг какой-нибудь инновационной идеей. А денег, чтобы эту идею в жизнь воплотить, у тебя нет. А бюджета твоего института только на промокашки хватает. Ну, может, еще ректору немножко остается... на зубные протезы. Что делать? Несешь свой проект представителям Совруса, специальная комиссия проект рассматривает... И, определив, что это не откровенное фуфло, а стоящая работа, выдает тебе денег – на осуществление.

– Так и что же в этом плохого?!

– Да то, что все эти инновации, под которые Соврус гранты предоставлял, все свежие идеи российских ученых, подробно расписанные, со схемами и подсчетами – попадали прямиком в американские институты и проектные центры. Чего непонятного-то? Очень удобно. И, если поразмыслить, совсем недорого. Никакие шпионы не нужны, весь цвет научной мысли огромного государства свои придумки сам тебе несет вприпрыжку. А ты уж сам решаешь, как ими распорядиться.

– Ловко... – хмыкнул Двуха.

Трегрей, до того в задумчивости стоявший посреди комнаты, вдруг быстро подошел к двери, распахнул ее и выглянул в утихший и полутемный коридор.

– Что такое? – спросил его Двуха. – Что с тобой?

Олег, помедлив, обернулся.

– Ничего, – сказал он. – Показалось...

– Все! – решительно проговорил Игорь. – Пора баиньки. А то вон – некоторым уже чудится всякое...

– Поддерживаю, – сказал Сомик и снова вздохнул. – Эх, Гуревич!..

– Дурак твой Гуревич! – брякнул Двуха.

– Да не дурак он, – покрутил головой Женья, – все он знает и все он понимает. И ведь не за деньги старается ради этих... И не за славу. А так – ради рюмочки похвалы... И чтоб из образа гонимого правдолюбца не выходить.

– Братцы! – жалобно сказал Двуха. – Да черт с ним, с Гуревичем и его шоблой. Поехали спать, а? Гляньте!.. – он шлепнул ладонью по оконному стеклу. – Светает уже!

– Ночи короткие, вот и светает рано, – отозвался Сомик.

– Что ж теперь, совсем не спать?.. – хмыкнул Двуха. – Лично я... Ого!

– Что – ого? – заинтересовался Женья.

Олег тоже развернулся к стоявшему у окна Игорю.

– К нам опять гости, – сообщил Двуха. – Внедорожник Налимова подкатил. И чего это от нас Арнольдичу понадобилось? А он не один, гляди-ка! Привез кого-то... Двух типов – важных да серьезных, в костюмчиках оба, прямо «люди в черном», ни дать ни взять. Типы в здание вошли, а Налимов остался у крыльца тереться. Растрепанный весь, явно одевался впопыхах, среди ночи его подняли... А я-то думал, что на сегодня сюрпризы закончились...

– Все любопытственнее и любопытственнее! – согласился Сомик. – Хорошо хоть, на этот раз есть чем незваных посетителей угостить – предыдущие визитеры оставили...

– Что-то мне подсказывает: вряд ли они угощением заинтересуются, – заметил Трегрей. – И вот еще что странно... Почему они Налимова в качестве извозчика используют? А где же их транспорт?

В дверь постучали – негромко, но уверенно.

– Открыто! – крикнул Двуха.

Первым переступил порог мужчина средних лет, невысокий, подтянутый, с аккуратной прической на пробор, с широкоскулым открытым лицом, твердым подбородком и внимательным ясным взглядом – такими изображали на агитплакатах времен СССР честных советских граждан. Второй был помоложе и покрупнее; коротко стриженный, крутолобый и угловатый, он оставлял впечатление типичного телохранителя. И сразу почему-то представлялось, что эта его угловатость обманчива, что если понадобится, он среагирует моментально и четко, не оставив вероятному злоумышленнику ни единого шанса.

– Сергей Сергеев, – представился тот, кто вошел первым. – Начальник службы безопасности губернатора области.

Мелькнула и снова исчезла во внутреннем кармане его черного пиджака красная корочка удостоверения.

Второй вошедший представляться не стал. Окинув цепким взглядом комнату, он остановился у двери, скрестив руки на животе.

– Ого! – проговорил Сомик. – Губернатора области...

Двуха ничего не сказал. Неприязненно и тревожно сощурился на неожиданных гостей. Олег же, шагнув вперед, слегка поклонился:

– Будь достоин!

Начальник службы безопасности губернатора области Сергей Сергеев, несколько не удивившись такому приветствию, кивнул и осведомился:

– Олег Морисович Гай Трегрей? – Причем заметно было, что осведомился только для проформы, он и без того знал, кто перед ним.

– Олег Морисович, – подтвердил Трегрей.

– Прошу простить за неурочный визит, – голосом, в котором никакого сожаления не чувствовалось, произнес Сергей Сергеев. – Дмитрий Федорович послал меня передать вам, Олег Морисович, приглашение на личную встречу.

Сомик присвистнул. А Двуха сказал вполголоса:

– Не спится нашему губерму...

– Весьма польщен, – отозвался Олег. – Не премину воспользоваться приглашением. Я полагаю, ехать мне надобно сиюминутно?

– Правильно полагаете, Олег Морисович.

– Что ж... Было бы неразумно отказываться от такой чести.

– Прошу вас, – Сергей Сергеев, развернувшись, указал на дверь, – следовать за мной.

– Стоп-стоп-стоп! – запротестовал вдруг Двуха. – Олег, не дури! Что это еще за новости? Почему это вдруг губерму взбрендило тебя среди ночи к себе дернуть, а? Он что, сон плохой увидел?

Парень у двери насторожился. Правая рука его скользнула вверх – за отворот пиджака.

– Только попробуй мне ствол вытащить! – рыкнул на него Двуха. – Отберу и сожрать заставлю! Насухую, даже запивать не разрешу!

– Спокойно! – бросил Сергей Сергеев в сторону своего спутника, а по адресу витязей укоризненно покачал головой. – Ну, зачем это, господа? Право слово, лишнее...

– Игорь! – призвал Двуху к порядку и Олег. – Не стоит.

– Мы тоже поедем! – заявил Женья.

– Пропуск выписан только на Олега Морисовича.
– Значит, сопровождать будем! На своем автомобиле поедem, не беспокойтесь, не стесним.

– Сожалею, но... вряд ли это возможно, – сказал Сергей Сергеев.

– С чего бы это? – возмутился Двуха. – С каких пор гражданам РФ ограничена свобода передвижения?

– Свобода передвижений в нашей стране, конечно, ни для кого не ограничена. – Сергей Сергеев чуть улыбнулся. – Но дело в том, что Дмитрий Федорович прислал за Трегреем вертолет. И сопровождать вам данное средство передвижения на автомобиле будет затруднительно.

– Вертоле-от... – изумленно протянул Двуха.

– Да не беспокойтесь вы так, – Олег снял со спинки компьютерного кресла свой пиджак. – Поеду один. Неужели вы думаете, мне может грозить какая-нибудь опасность от лица, облеченного властью?

Двуха фыркнул с видом: «Знаем мы эти ваши лица, облеченные властью...» А Женя Сомик пожал плечами и сварливо заметил:

– А мы и не беспокоимся. С чего ты взял, Олег, что мы беспокоимся? Нам просто на вертолете полетать захотелось. Я вот, между прочим, ни разу в своей жизни на вертолете не летал...

– Нет, – спокойно, но твердо сказал Трегрей. – Сопровождать меня не надо.

– Прошу вас, – пригласил снова Сергей Сергеев. – Олег Морисович...

Сначала переместился в коридор безымянный спутник начальника губернаторской службы безопасности, за ним комнату покинул Олег. И последним вышел, кивнув Двухе и Сомику, Сергей Сергеев.

– Как под конвоем повели, – проговорил Игорь, когда за ними закрылась дверь. – Вот тебе и ответный шаг со стороны противника. Вот тебе и обраточка – аж на уровне губернатора области! Накаркал я – тишина, тишина...

– Давай всех наших собирать, – предложил Сомик. – Прямо сейчас. Какой там разговор у Олега с губером выйдет, предположить несложно. Не первый год замужем... Угрожать будет, давить авторитетом. А то и – чего доброго – грохнуть решится. В отместку прочим, кто чересчур зарывается, на власть замахиваться осмеливается. Все-таки надо было за ними поехать. Куда они Олега? Не в приемную же? В загородную резиденцию, скорее всего. Там, я слышал, у губера и площадка для посадки вертолета имеется.

– Ну, Олега грохнуть – это они утрутся, – убежденно проговорил Двуха. – Силенок не хватит. Да и смелости. А вот угрожать – это да, без этого им никак. Что-то вроде ультиматума объявят, я думаю. Давай наших собирать, – согласился он. – Как раз Олег вернется, а мы все уже тут. Готовы программу дальнейших действий разрабатывать.

* * *

Застолье утихло, когда небо стало светлеть. Гостей, отяжелевших и обессиленных, одного за другим развели по комнатам гостевого дома губернаторской загородной резиденции. Дольше всех, как обычно, продержался главный прокурор города Пескарев. Правда, сегодня достижение это далось прокурору нелегко. Последнюю рюмку Пескарев, выпив, тут же изверг обратно, жалобно крикнул и запрокинулся, сползая со стула. Еле-еле успел подхватить его специально приставленный для этой цели «помощник по хозяйству» (так официально именовалась в губернаторской резиденции прислуга).

– Стареешь, Михалыч! – отсалютовал рюмкой Дмитрий Федорович вслед прокурору, уносимому из беседки двумя дюжими «помощниками».

Пескарев, покачивающийся в сильных руках «помощников», в ответ на это замечание протестующе дрыгнул обутой в сандалию голой ногой и мощно всхрипнул.

Однако и сам Дмитрий Федорович препровождать по назначению поднятую рюмку не стал. Сменил ее на стакан с минеральной водой, в который, прежде чем выпить, бросил растворяться какую-то таблетку.

Опустошив стакан, губернатор шумно выдохнул и хлопнул себя по обнаженной, густо волосатой груди.

– Так-то! – удовлетворенно выговорил он. – Слабаки. Стая должна чувствовать силу вожака!

Он поднялся, распахнув москитный полог, покинул беседку, располагавшуюся на большой террасе, установленной на берегу Волги, над обширным, сахарно-белоснежным, совершенно пустым пляжем, подошел к перилам и, опершись на них, уставился на медленно и тяжело перекатывающиеся друг в друга речные волны.

Часы еще показывали время дремучее, ночное, а вокруг было светло, как днем. Великая река отливала живым металлом, мерно дышала, будто громадный дремлющий зверь. Неблизкий противоположный берег, обычно без труда просматривающийся, теперь скрыла синеватая, как молочная пенка, дымка. И губернатору Дмитрию Федоровичу на миг представилось, что вовсе не на террасе он стоит, а на капитанском мостике величественного корабля, бесконечно идущего вперед сквозь ветра и штормы.

«Да... – высокопарно подумал он. – Моя губерния и есть мой корабль... А я – не кто иной, как его капитан. Как же иначе? Команда храпит по своим каютам, а я не схожу со своего поста, не смыкаю глаз...»

Эта мысль так понравилась губернатору, что он невольно приосанился, упер руки в бока и тряхнул головой, как бы поправляя сползшую на глаза несуществующую капитанскую фуражку.

Булькающий клекот вертолетного винта вернул его к действительности.

Дмитрий Федорович встрепенулся, озадаченно нахмурился. Подозвал «помощника», терпеливо ожидавшего дальнейших распоряжений у беседки, пиратски заливистым свистом – видно, все-таки не окончательно выйдя из образа морского волка.

– Это что за хрень? Вроде всего в достатке было, ничего дополнительно закупать не требовалось? Или я посылал за кем-то?

Подбежавший «помощник» не успел ответить. Дмитрий Федорович вдруг вспомнил требуемое самостоятельно:

– А, ну да! – он шлепнул себя по затылку. – За Трегреем же! Совсем из головы... Иди, не отсвечивай тут! Понадобисься – позову.

Недовольно выпятив нижнюю губу, Дмитрий Федорович постучал толстыми сильными пальцами по перилам. Идея вызвать к себе главу компании «Витязь», осенившая его около часа тому назад, сейчас представлялась не такой уж удачной.

«Помощник», отошедший всего на пару шагов, точно угадал ход мыслей хозяина:

– Передать, что вы не сможете принять? Что вы заняты и встреча переносится? А то ведь вон... вы не совсем в форме...

– Это я-то не форме?! – возмутился Дмитрий Федорович.

«Помощник» испуганно прикусил язык.

– Я не в форме? Не дождетесь! Я всегда в форме! Пусть никто не думает, что губернатор Саратовской области может слабину дать!

И словно желая проиллюстрировать собственные слова, он притопнул, повел широкими плечами и, выпятив крепкое, как ядро, пузцо, подсмыкнул длинные спортивные шорты.

– Халат дай! И воды принеси умыться! И минералки еще налей! Не в форме я... А Сергееву скажи, чтоб сразу не вел ко мне, пусть минут пятнадцать-двадцать подождут. А пока

в беседке приберите, оставьте на столе там чего-нибудь... Я дам знать, когда приглашать можно будет.

Пятнадцати минут губернатору Дмитрию Федоровичу как раз хватило, чтобы освежиться, принять еще таблетку и собраться с мыслями.

– Должность собачья... – пробурчал он, возвращаясь в беседку. – Все люди как люди: поработал – отдыхай. А мне и расслабиться толком нельзя. Тяжела ты, доля капитана...

По пути губернатор хлопнул в ладоши, обращая на себя внимание «помощника»:

– Веди гостя!

* * *

«Помощник» усадил Трегрея напротив Дмитрия Федоровича и на цыпочках отошел в угол беседки.

– Сгинь совсем! – велел ему губернатор.

«Помощник» выскользнул прочь, чуть колыхнув москитный полог. И пару минут в беседке стояла тишина – только дышала совсем рядом Волга да тонко зудели по-утреннему сонные комары.

Дмитрий Федорович молча и без стеснения разглядывал Олега. Тот спокойно «держал» его взгляд.

«Обычный паренек с виду, – рассуждал мысленно Дмитрий Федорович. – Если не знать, кто он на самом деле, то так и не скажешь... что чем-то от других отличается. Разве что, если присмотреться... – тут же поправил он сам себя. – Нет, кое-что этакое все же в нем есть. Вернее, наоборот – нет. Страх в нем никакого не чувствуется, вот как! Будто твердо знает он, этот Трегрей, что не существует во всем мире ничего такого, перед чем допустимо спасовать и отойти в сторону. Да и немудрено. Я бы на его месте тоже ничего не боялся...»

Губернатор Саратовской области Дмитрий Федорович был человек бывалый, неглупый и осторожный – как и полагается всякому губернатору. Только ему стало известно об инциденте с Соленым оврагом, он, прежде чем давать позволение подчиненным на совершение каких-либо действий, проконсультировался относительно этих самых витязей со своими людьми из местного отделения Управления. И такое поведали сотрудники Управления, что Дмитрий Федорович немедленно распространил по всему своему ведомству категорическое распоряжение: «Никому не трепыхаться. С витязями разберусь лично!»

«И ведь держать себя умеет, стервец, – подумал еще губернатор, продолжая обшаривать взглядом неподвижно сидящего напротив Олега. – Другой бы на его месте давно уже ерзать начал, каким бы бесстрашным ни был... А понимает ли он вообще, кто перед ним? Может, не признал?»

И только эта мысль пронеслась в его голове, как Дмитрий Федорович понял... вернее, почувствовал: да, понимает. И да, признал.

– Ну, давай знакомиться, Олег! – нарушил, наконец, молчание губернатор. – Губернатор я твой. Дмитрием Федоровичем меня можешь называть.

– Олег Гай Трегрей, – приподнявшись, гость чуть поклонился. – Будь достоин.

– Буду, буду! – хохотнул Дмитрий Федорович. – Я в курсе, что это у вас, у витязей, приветствие такое... Корпоративные традиции, понимаю. Давай-ка, Олежа, бахнем за знакомство! – Он поднял со стола причудливой формы бутылку. – Видал? Коллекционный. Постарше тебя будет. В области такой ни за что не найдешь, да даже и в Москве – места надо знать, чтобы паленку не подсунили... Не пробовал, верно, такой амброзии никогда, а? Я не про паленку, конечно...

– Отчего же? – Олег мельком глянул на бутылку. – Как раз сегодня и посчастливилось причаститься.

– Да? Где достаем? А-а... – догадался губернатор. – Столичные гастролеры привезли! Этот самый... – он изобразил неряшливую игру на гитаре, – угостил – оппозиционерр! Ну, чего смотришь? Гадаешь, откуда знаю? Я, брат Олеж, все про всех знаю. По-другому никак нельзя. Должность у меня такая, обязывает...

Дмитрий Федорович самолично разлил коньяк по бокалам и, усаживаясь на место, добавил вскользя:

– Я и про тебя, Олеж, тоже много чего знаю...

– Весьма польщен тем, что заслужил ваше внимание, – отреагировал Олег.

– Заслужил, заслужил... Ты, Олеж, я погляжу, за свою жизнь ого-го сколько успел заслужить! Надо сказать, загадочная у тебя биография... Детдомовец, мальчик-папирос – без мамы рос, без папы рос – а еще по малолетству успел отметить, – Дмитрий Федорович производил все это с поднятым бокалом, как тост. – Елисеева-младшего, беспредельщика, сына областного прокурора ушатал. Думаешь, позабыли про это? Не-ет, люди помнят! Большая буча была, много голов тогда слетело... – Губернатор многозначительно подмигнул Трегрею из-за бокала. – Вовремя ты тогда в армию скрылся, а то бы не поздоровилось тебе, очень уж круто ты взял. Итак, отдавал долг Родине... Только не год, как полагается, а вдвое больше. А про то, где именно служил этот дополнительный год и кем, у меня информации нет. И ни у кого нет. Что странно, не правда ли? Вернулся на гражданку, бизнес замутил. Кинуть тебя попытались, как многих, да не тут-то было. Разрулил ситуацию, да так, что на всю Россию прогремело. Опять ответственные головы с плеч посыпались. И опять ты целый год прятался где-то. И снова вернулся... При большом бабле вернулся! Откуда бабло взял?.. И вот уж в третий раз воевать затеялся. Да-а, брат Олеж, непростой ты человек. Вроде всю жизнь за справедливость сражаешься, и при этом все больше и больше денег поднимаешь... – Дмитрий Федорович подмигнул другим глазом, словно пытаясь тем намекнуть: «меня не обманешь, борец с системой, я тебя насквозь вижу». – Ну... Поехали!

Они выпили. Вернее, лишь пригубили из своих бокалов – и тот, и другой.

– Ну и как встреча-то твоя прошла с этими балбесами московскими? – промокнув губы салфеткой, спросил губернатор. – До чего договорились? Они ж тебя в свои ряды вербовать приехали, это и ежу понятно! А ты?..

– Не посчитал возможным согласиться на их предложение, – не стал скрывать Трегрей.

– Представляю, какое там было предложение!.. – хмыкнул Дмитрий Федорович, с воодушевленным облегчением хмыкнул, ответ Олега ему явно понравился. – Что они могли предложить-то, национал-предатели? Бочку варенья да корзину печенья? Парень ты перспективный, не твой это уровень. Эти балаболы всю дорогу на посуде как на стуле. Крику много, а толку – на три копейки. Пока ты нужен, будут подачками кормить, а как надобность в тебе отпадет, так сольют без разговоров! А то пулями напигуют на каком-нибудь мосту... Ну да что я говорю, сам все понимаешь. Потому и послал этих красавцев куда подальше. В нашей стране... – значительно выговорил губернатор, – только тот реально зарабатывает, кто в связке с властью состоит. И ты об этом прекрасно знаешь. Прав я? Прав, а?

– Правы, – согласился Олег, – к большому моему сожалению.

Дмитрий Федорович внимательно посмотрел на своего собеседника, покачал головой как-то неопределенно.

– Ну, сожалей, не сожалей, а такова наша российская действительность, – сказал он. – Кто с властью ссорится, тот на себе крест ставит, это нужно иметь в виду. Власть следует уважать. Если жить хочешь... То есть, я хочу сказать – если хорошо жить хочешь. А у тебя вот каким-то образом получается, что и с властью ты вечно в контрах, и при бабле всегда. А в оппозицию, которая тоже на борьбе с системой зарабатывает, не вписан. Сам по себе играешь... Как так? Может, дело в том, что не всех подряд высокопоставленных мерзавцев атакуешь,

а только тех, кого надо, кто непосредственно твоему бизнесу мешает?.. По такому принципу за социальную справедливость борешься, а, Олежа?

– Вы правы, – и тут не стал спорить Олег. – Мы не профессиональные защитники людей. Ставить на место всех подряд высокопоставленных мерзавцев – все равно что под течью с потолка миски подставлять. И – да – мы воюем лишь с теми, кто у нас на пути встает. С теми, кто мешает нашему бизнесу. Нашему делу, если по-русски.

– Во-от! О чем я говорю. Опасный ты человек! С тобой лучше дружить, а? Нашему делу! – передразнил губернатор, надув щеки. – Говоришь так, будто звездолет изобретаешь. Наше дело! Все мы одно дело делаем: деньги зарабатываем. И ты со своей командой, и я, и Ильич, и даже вон... – он кивнул на пробежавшего по двору с ведром в руках «помощника по хозяйству», – даже они. Чем бы люди ни занимались, все в конечном итоге упирается в деньги.

– Вовсе нет, – спокойно возразил Олег.

– Да брось ты! Уж передо мной-то не выделывайся! Ладно, я сейчас о другом хотел...

Дмитрий Федорович откинулся на спинку стула, с напускной укоризной проговорил:

– Ильича нашего ты знатно уел. Чуть до инфаркта бедного не довел. А уж когда ему известно стало, что ты про эту бодягу с Соленым оврагом в следственный комитет отписал, его и на самом деле госпитализировать пришлось... Откуда ж Никите знать-то было про твои связи в московском Управлении? Пустился бы он с тобой воевать, ох и огреб бы – по самую маковку! И не только он один, само собой. Вся его команда. И мне бы малость досталось тоже. Хорошо, что я вовремя вмешался, подсутился...

– Зря вмешались. Никита Ильич – преступник, и место ему в тюрьме, – заговорил было Олег, но губернатор только махнул на него рукой:

– Даже не начинай! Будешь мне, как Ильичу, чехлить про «жить по закону и совести»? Брось! Тогда вы на людях были, а сейчас мы одни. Тет на тет, как французы говорят. В тюрьме, говоришь, место ему! Он что, людей убивал? Если б за подобные прегрешения всех гребли, в стране б вообще людей не осталось. Сажают-то не за преступления, а по разнарядке, тебе ли не знать. Не о том речь... Лучше скажи мне, как же ты, Олежа, такие связи-то в Управлении заимел, а? Ведь не в штате ты у них состоишь? Не в штате. Даже, слухи ходят, какие-то терки у тебя с ними были. Не от них ли ты год по лесам бегал после армейки-то? А, тем не менее, сейчас-то не от кого-нибудь, а от самого Казачка, от главы Управления директива нашим местным чекистам спущена – Трегрея ни в коем случае не трогать. Да, Олежа, и об этом я знаю, должность у меня такая... Он что, Казачок, твой родственник? Я проверял: вроде нет... Жизнь ты ему, что ли, когда-то спас?.. Нет, хе-хе, тут наверняка в другое дело... Здорово у тебя получается клеймить и разоблачать, прямо талант. А за талант всегда неплохо платят...

– Вы полагаете?.. – усмехнулся Олег, но губернатор снова перебил его:

– А тут и полагать нечего. Никто никому никогда просто так – за спасибо – помощи не окажет. Да я тебя не обвиняю, каждый крутится как может. Только вот мне теперь – когда ты кашу заварил – придется эту кашу расхлебывать. Областных примерному наказанию подвергнуть, да и вообще почти что весь подведомственный аппарат перетряхнуть... Я ж понимаю... Ситуация в стране сейчас такая, что от подобных встрясок никуда не денешься. Государство требует борьбу с коррупцией демонстрировать, вот и приходится время от времени людишками жертвовать. Но, брат Олежа, наведи ты ко мне мосты по-доброму, договорились бы мы с тобой, я бы на откуп кого-нибудь другого отдал. Никита Ильич – хозяйственник неплохой, жалко его терять. Да вот пометил ты его, теперь уж не отмажешь. Или... – Дмитрий Федорович театрально понизил голос, – может, тебе оттуда, из Управления, конкретно на него указали?

Трегрей вместо ответа вдруг рассмеялся. Его собеседник посмотрел на него озадаченно.

– Воистину, – произнес Олег, отсмеявшись, – каждый из нас живет в том мире, какой он себе мыслит.

– Это ты к чему сейчас? – подозрительно прищурился губернатор.

– Это я к слову, – ответил Олег. – Простите, отвлекся... Сдается мне, Дмитрий Федорович, вы пригласили меня к себе не только для того, чтобы познакомиться. Кажется, вы имеете ко мне некое предложение?

Губернатор отпил еще коньяка, пожевал губами.

– Само собой, – подтвердил он. – Есть у меня к тебе предложение, от которого трудно отказаться...

Трегрей снова улыбнулся:

– Мне сегодня уже приходилось слышать эту фразу.

– А?

– Неважно, простите. Извольте продолжать, Дмитрий Федорович.

Губернатор нахмурился было, немного помолчал, наклонив голову, – точно соображал: оскорбиться ему на столь непочтительное отношение к собственной персоне или пока не стоит.

– Хамишь, брат Олежа... – все же сказал он.

– Отнюдь. Напросто, делюсь наблюдениями. Как же вы все-таки похожи...

– На кого похож-то? На этих охламонов с гитарами? Гляди, не зарывайся. Я тебе не Ильич... Ну да ладно... Ссориться мне с тобой не с руки. Только ты не думай, брат Олежа, что я тебя хоть сколько-нибудь боюсь. А то навоображаешь еще... Итак, переходим к сути вопроса.

Дмитрий Федорович поднял бокал, потянулся чокнуться. Чокнувшись, выпил уже до дна, с торжественностью в голосе возвестил:

– Кривочки!

– Так, Дмитрий Федорович?..

– Твоими стараниями, Олежа, Кривочки, которые раньше никому на хрен не были нужны, теперь, можно сказать, расцвели. Прямо не узнать городок! Новые предприятия, новые рабочие места, приток населения... Цены на недвижимость в городе уже резко вверх скакнули. А это что значит? Людям жилье требуется! Требуется или нет?

– Бесспорно, – посерьезнел Олег.

– А если требуется – будем строить. Развернем, брат Олежа, полномасштабную губернаторскую программу по развитию перспективных населенных пунктов. Начнем с Кривочек... а там видно будет. Как пойдет. Итак, жилищное строительство, – губернатор принялся загибать пальцы, – развитие инфраструктуры. Как то: сетевые супермаркеты, сетевые аптеки, рестораны быстрого питания... Дорожное строительство... Деньги рекой потекут, брат Олежа! Бюджетные, откаты от сетевиков, строительных компаний. Ты себе даже не представляешь, какие это будут деньги! Колоссальные! Слушаешь меня?

– И весьма внимательно, – сказал Трегрей.

– Слушай дальше. Я сейчас вкратце набросаю, детали мы с тобой позже обговорим... Арнольдича надо снимать, как раз выборы скоро. Арнольдич не нужен, этот старый хрен только мешаться будет, он свое уже отработал, в нашу схему не впишется, хватка не та, протух он. Я другого человечка поставлю, помоложе, половчей, познергичней. Или – если хочешь – ты из своей команды кого назначь, я мешать, конечно, не буду, если на пользу дела-то... Ну, как тебе? Через пару лет у вас, витязей, столько бабла будет, что каждый по персональному замку купит... в Испании или там еще где!..

– Дмитрий Федорович... – позвал Олег.

– Ага, слушаю?

– А вы, позвольте осведомиться, не боитесь мне все это предлагать? С моими-то связями в Управлении? И с моей репутацией борца с чиновничьим беспределом?

– Боюсь? – искренне удивился губернатор. – Чего бояться? Я ж тебе не участие в разбойном нападении предложил. Нормальная схема, все так делают. И еще никто за подобное не сел.

Ты придуриваешься, что ли, брат Олежа? Это рядовые ильичи сыпятся пачками – в рамках антикоррупционной кампании. Борьба с коррупцией-то требует жертв. А мне чего бояться? Губернаторов валят исключительно по прямому указу президента, когда они с линии партии на кривую дорожку свернут, разве не знал? А у меня в этом плане все четко. Да и в любом другом плане тоже. С кем надо делюсь, на чужую территорию не лезу, свою окучиваю. А по поводу твоих связей... Я все-таки, на минуточку, не какой-нибудь ильич. Я – губернатор области! И Управления твоего не боюсь, оно ж не само по себе работает, а правительству подневольно. А правительство – наши мудрые кормчие – распрекрасно понимает: кому что можно, а кому чего нельзя. Да ты сам, видать, затрусил, а, Олежа? – Дмитрий Федорович вдруг, подавшись вперед, хлопнул Трегрея по плечу. – Первый раз на такое серьезное дело подписываешься? Может, боишься, что кину тебя? Так сказать, служебным положением воспользовавшись? Бабки загребу, а тебя побоку? Не бойся, Олежа, я не жадный. Был бы жадный, так высоко бы не поднялся. Да и вложений от тебя почти никаких и не потребуется. Мне не деньги твои нужны, а башка золотая. Ну и связи с чекистами столичными, само собой, куда ж без них. Запомни, Олежа, по нашей схеме ты деньги отдавать не будешь. Ты их будешь – получать!

– Нет, это просто удивительно, как вы похожи... – проговорил Олег.

– Да чего ты заладил-то ерунду какую-то? Так как? – Губернатор растопырил пальцы и выдвинул челюсть, изображая киношного «братка». – Идем на дело?

– Разные у нас с вами дела, Дмитрий Федорович, – покачал головой Трегрей.

– Не понял? Что это значит? Почему разные? У всех, Олежа, одинаковые дела – бабло поднять. Так мир устроен.

– Вы полагаете: заработать денег – это единственная цель, которая может двигать человеком? Это так называемая низкая цель. А есть еще и высокие.

– А я тебе о чем толкую? – Губернатор наполнил свой бокал, долил и Трегрею. – Вот взять условного слесаря дядю Ваню. Перед ним, да, – низкая цель стоит. Обеспечить себя хлебом, котлетой и бутылкой водяры. А у нас – высокая. Взять столько, чтобы внукам и правнукам хватило. У меня, например, такая высокая цель. А губернаторство – это просто работа. А у тебя что – другая высокая цель, что ли?

– Вестимо, – ответил Олег. – Деньги – лишь инструмент для осуществления ее.

– Ну-ка, ну-ка? Интересно послушать. Валяй про свою цель.

– Сделать государство, где мне выпало жить, великой державой, граждане которой будут иметь полное право гордиться ею, – отчетливо сформулировал Олег.

Губернатор Дмитрий Федорович открыл было рот, чтобы тут же ответить, но в последний момент передумал: выпил залпом бокал коньяка, выставив по направлению к Трегрею ладонь – мол, погоди...

– Держава!.. Граждане!.. – продышавшись, сказал он. – Не пойму я, чего ты тут передо мной выделываешься, Олежа? Держава, если хочешь знать, стояла и будет стоять. Она на мне и таких, как я, зиждется. Как этого можно не понимать? Ну, откушу я себе кусочек, от державы убудет, что ли?

Дмитрию Федоровичу, видно, ударил в голову коньяк – ему и немного надо было, на старые дрожжи-то. Он порывисто набулькал себе еще в бокал.

– А ты попробуй, поставь на мое место кого-нибудь из тех горлопанов, которые любят, нажравшись, на кухнях кричать, что, мол, чиновники все поголовно воры. Пусть попробует поруководить! Он же за неделю все к чертям развалит, потому что не смыслит ни бельмеса в управлении! Попробуй поставь на мое место выпускника экономического вуза, идеалиста юного да ясноликого! Этот еще быстрее область под откос пустит. Потому что между теми знаниями, которые ему в институте дают, и жизненными реалиями дыра поглубже Марианской впадины! А у меня показатели год от года растут! Потому что я – хозяин! Область моя – как и все прочие области необъятной нашей Родины – все равно что «уазик» тыща девятьсот

лохматого года выпуска. Кто случайный за руль сядет, нипочем с места не тронется, даже завести не сумеет. Только тот, кто знает: за что дернуть, где подкрутить, на что нажать – и заведется, и поедет. Мы, ненавидимые всеми управленцы, работаем! И эффективно работаем! Впахиваем и за себя и за того парня! И хрен кто сумеет так, как мы, – в родных расseyских условиях-то – это я тебе авторитетно заявляю!

Губернатор с хлюпаньем вытянул коньяк.

– А граждане! – хрипнул он, сморщившись. – Народ! Тут я тебе тоже кое-что могу рассказать. Глянь туда! – Дмитрий Федорович махнул рукой, сшибив со стола бутылку. – На пляж под террасой! Видал, какой песок? Морской! Песчинка к песчинке! С Балтики везли колонной грузовиков! Дно гладкое, что твой паркет. Ни соринки, ни пылинки. А что здесь было, когда я только строиться начинал? Рассказать? Был тут дикий пляж, со всех окрестных деревень съезжались купаться. Дно илистое, вода травой заросла, а на берегу что творилось – уму непостижимо. Приедут, значит, деревенские, костры пожгут, шашлыки свои вонючие похавают, кости да бутылки разбросают вокруг, под кустами наблюдают и навалют. И укатят обратно, даже не подумав прибрать за собой. Сам видел: папаша с мамашами сидят, пиво с водочкой глотают, а карапузы ихние, накупавшись, со скуки бродят по берегу да бутылки пустые колотят. Прямо так – один подбрасывает, второй сбивает палкой на лету. Бейсболисты, е-мое... Послал человечка внушение им сделать... А они – в крик, в драку. Отдыхать помешал, надо же! А уж как огораживать пляж начал, шуму-то было! Журналистов понаехало! Губернатор отобрал пляж у местных жителей! Губернатор перекрыл доступ к воде! Детям плескаться негде! Работягам негде ноги натруженные чумазые помыть! До сих пор отбиваюсь.

– Разве их требования неправомерны? Согласно Водному кодексу каждый гражданин вправе свободно находиться на береговой полосе водного объекта общего пользования.

– Хочешь, прямо сейчас забор уберу? Ради эксперимента. А я и вправду уберу! – загорелся захмелевший губернатор. – Эй, кто там есть? Ко мне, мухой!

В беседку, под полог москитной сетки вбежали сразу трое «помощников».

– Берете инструмент и организуете в заборе, пляж огораживающем, проход! – распорядился Дмитрий Федорович.

«Помощники» переглянулись, не торопясь двигаться с места.

– Кому сказано! Ну!

«Помощники» метнулись прочь.

– После первых же выходных – добро пожаловать, брат Олежа, – откупоривая новую бутылку, пригласил губернатор. – Полюбуешься, какой сортир тут устроят граждане нашей великой державы... Народ у нас такой, что его только за забором и держать. Скоты, быдло, жлобье. Знаешь, как определить настоящего жлоба? Настоящий жлоб никогда в жизни не задастся вопросом: жлоб он или нет; напротив, он свято уверен, что жлобы – все остальные, все, кроме него. За заборы! За заборы твоих граждан! – пристукнул Дмитрий Федорович по столу так, что бокалы и бутылки на нем жалобно зазвякали. – С ними ты собрался строить светлое будущее? Державу, которой надобно гордиться? Ничего они не способны построить! Только растащить. И загадить то, что растащить не удастся. И ведь не перевоспитаешь их никак... Невозможно это!

– Нет ничего невозможного, – возразил Олег. – Ибо только практика – мерило истины. Согласен, перевоспитывать трудно. Да и вряд ли перспективно. Куда как эффективнее – воспитать новую смену. Новых людей, понимающих себя как носителей высоких идей. Это – первоистепенная задача на пути осуществления нашей цели.

– И как? – осклабился губернатор. – Процесс уже идет?

– На удивление резво, – ответил Трегрей. – Число тех, кто ради того, чтобы жить по закону и совести, готов идти до конца, растет с каждым днем. Слышали про сайт «so-ratnic.ru»?

– А-а... Что-то такое... да... Тоже твоих рук дело?

– Отнюдь. Разве что косвенно. Оказывается, людям достаточно на примере показать, что ничего невозможного нет, что истина постигается практикой, – и у них не остается ни крохи страха, ни тени сомнений в правильности выбранного пути. И, Дмитрий Федорович, «so-ratnic.ru» – лишь начало. В ближайших наших планах создание по всей стране сети палестр...

– Чего?

– Образовательных учреждений, где юношеству, помимо необходимых знаний и навыков, прививалась бы еще и верная мотивация. Державе, коей мы были б вправе гордиться, необходима новая элита.

Губернатор поднял бокал, сделал несколько крупных шумных глотков.

– Новая элита... – пробурчал он, грузно качнувшись на стуле. – А старую куда девать думаете?

– Простите?

– Ну, нас-то! Управленцев! Хозяев! Нас-то куда денете? В шею попрете? На вилы подымете? Да без нас тут все рухнет к чертям...

– А вы, Дмитрий Федорович, полагаете себе элитой? – осведомился Трегрей.

Губернатор аж поперхнулся:

– А то кем же? Что-то ты, Олежа, больно того... Кто ж я, по-твоему? Быдло? Это уж извините. Я по эту сторону забора и был, и останусь. А быдло – оно по другую.

– Лишь движимые высокими целями имеют право именоваться элитой общества, – объяснил Олег. – Те же, кто под высокими целями подразумевает стремление к личному обогащению, – суть полностью управляемое большинство. Потому что теми, чья система ценностей и установок основывается на потреблении материальных благ, манипулировать легче легкого.

Дмитрий Федорович наклонил бутылку над своим бокалом и поднял ее только тогда, когда коньяк полился на стол. Потом, перегнувшись через стол, плеснул в бокал Олега, и без того полный.

– Пей, Олежа! – рявкнул губернатор. – Что ж ты не пьешь-то? Брезгуешь? Пра-альна! Чего с нами... с полностью управляемым большинством-то церемониться? Элита, значит? Н-ну... По силам ли взвалил на себя? Державу перекраивать? Не надорвешь горб-то?

– Нет ничего невозможного, – убежденно проговорил Трегрей. – Ибо практика – мерило истины.

– Ой ли? – хмыкнул Дмитрий Федорович, выпив и сочно отрыгнув. – Прямо так-таки и нет ничего невозможного? А вот послушай сюда, мальчик... Ты говоришь: нет ничего невозможного. А я – жизнь прожил, я знаю – скажу: лбом бревна не перешибешь. Понял?

Видимо, для убедительности он развернулся, скрипнув стулом и похлопал ладонью по одному из столбов, держащих крышу беседки – по толстому, в пол-обхвата столбу, вытесанному из цельного мощного бревна.

– Не перешибешь! Понял? Как ни старайся! Всеу на этом свете есть предел. И человеческим возможностям тоже!

Трегрей тоже развернулся. Глянул на такой же столб позади себя, словно примериваясь. И неожиданно с коротким замахом хлестко рубанул по столбу ребром ладони.

Удар при всей своей кажущейся заурядности возымел неожиданно страшный эффект. Столб треснул надвое, нижняя часть покосилась, верхняя криво повисла. Крыша, заскрежегав, угрожающе накренилась.

Губернатор Дмитрий Федорович вскочил на ноги.

– Ты чего?! – заорал он. – Это... Ты того?! Как это у тебя?!

– Пока не увидишь, ни за что не поверишь, – проговорил Олег. – Не правда ли?

Он мельком осмотрел ладонь, на которой не обнаружилось никаких повреждений, сдул с нее древесную труху.

– Коли будет угодно, – добавил Трегрей, – могу повторить. Лбом, ногой... любой частью тела.

– Нет, – быстро сказал Дмитрий Федорович. – Не надо.

– Теперь поверили. Потому что лишь практика – есть мерило истины.

Губернатор, не сводя с Олега изумленных глаз, осторожно нащупал под собой стул и сел.

– Говорили мне, что вы, витязи, всяким штучкам обучены, но чтоб такое... – выдохнул он. – С тобой действительно лучше не ссориться. – И вдруг глаза Дмитрия Федоровича расширились еще больше. – Это что же будет?... – прошептал он. – Если вы таких же... терминаторов навоспитаєте в своих... палестрах?..

Олег поглядел на часы.

– Рабочий день уже начался, – сказал он. – Я полагаю, Дмитрий Федорович, вы уже сообщили все, что собирались сообщить?

Губернатор, сглотнув, дергано кивнул.

– Имею вам ответить, что предложение ваше вынужден отклонить, – поднявшись, заявил Олег. – Причины, по-моему, оглашать излишне. И должен сообщить еще: Кривочки действительно ждут большие перемены – потому что мы на ближайших выборах намерены выдвигать кандидатуру своего мэра. Вы, я надеюсь, сдержите свое обещание относительно того, чтобы не чинить нам в этом предприятии препон?

Дмитрий Федорович снова кивнул.

– Засим позвольте откланяться, – кивнул ему в ответ Олег. – Благоволите распорядиться, чтобы меня отвезли.

– Сергеев! – хрипло и как-то придушенно закричал губернатор. – Серега! Эй, кто-нибудь, позовите начальника службы безопасности ко мне!..

* * *

В кривочском офисе компании в тот утренний час было многолюдно и суетно. Все ближайшие соратники Трегрея собрались в тесной комнатке: руководитель ЧОП «Витязь» Мансур; Костя Кастет, его заместитель и правая рука; Евгений Петрович Пересолин, директор детдома номер четыре города Саратова; Нуржан Алимханов (этот явился в форме старшего лейтенанта МВД, каковой формой явно очень гордился – он совсем недавно окончил Высшую школу полиции и вернулся на службу); бывшие однокашники Олега по детдому, а ныне деятельные и надежные руководители подразделений компании «Витязь» – Виталик Гашников, Серега Жмыхарев, Борян Усачев; и, конечно, Сомик с Двухой. Кроме «старших» витязей в помещении офиса также находились несколько «рядовых»: пятеро сотрудников мансуровского ЧОПа, только что вернувшихся с городской площади; да еще сидела на угловом диванчике какая-то девчонка двадцати с небольшим лет, тоненькая, светловолосая, с робким интересом взглядывавшая то на одного, то на другого из присутствующих в комнате – и тут же опускающая глаза, если кто-нибудь отвечал на ее взгляд. Девчонку звали Ирка, и привел ее сюда Костя Кастет. Тогда еще не было в офисе так шумно и тесно, и появление Ирки вызвало у мужской компании самый живой интерес. Чуть ли не каждый тут же вознамерился поухаживать за гостьей, и перед усаженной за стол Иркой молниеносно выстроились ряды чашек, стаканов и стаканчиков с чаем, кофе, коньяком и минеральной водичкой; вырос на бумажной тарелке немалый холмик наскоро сооруженных бутербродов. Серега Жмыхарев побежал за мороженым. Женя Сомик громогласно выразил возмущение тем фактом, что кавалер Кастет не удосужился снабдить даму букетом цветов и решительно взял на себя устранение одного

досадного недоразумения. А Мансур, поблескивая умильно замаслившимися черными глазами, объявил:

– Какие цветы, э? Как только все закончится, едем все вместе в Саратов, в кабачок к моим землякам. Там и цветы будут, и вино будет, и шашлык будет, и... все будет!..

Игорь Двуха начал действовать еще более конструктивно. Он отвел насупившегося и покрасневшего Кастета в сторону:

– Колись, что за пэрсик, откуда нарисовался?

– Что началось-то такое? Распрыгались, как макаки... Она, между прочим, не одна пришла! А со мной! Друзья называется...

– За любовь нужно бороться, Костик! Тут как в бизнесе – побеждает наиболее конкурентоспособный. Кстати, насчет любви... Давно ты с ней кружишь?

– А хоть бы и недавно, что с того?

– Увиливать от прямых вопросов недостойно мужчины.

– Ну не очень давно... Недавно. Честно говоря, с сегодняшнего дня. То есть уже со вчерашнего.

– Всего-то?! – Двуха в возбуждении перетопнул ногами, как конь.

– Помнишь, как-то соратники, ну интернет-сообщество которые... вступились за девчонку?.. Ее еще коллекторы прессовали?

– Помню, да...

– Коллекторы, гады, бандюков каких-то подтянули, ментов дополнительно подмазали, дело серьезно повернулось. Вот соратники нашему ЧОПу просигнализировали, подмоги попросили...

– Ирка – та девчонка?

– Умница, догадался. Тогда мы и познакомились, а вчера я ее в Саратове встретил – совершенно случайно. Ну, разговорились, я ее пригласил на День города в Кривочки...

– И все, что ли? – разулыбался Двуха. – А переживаешь, будто уже двадцать лет вместе прожили и семерых детей на ноги подняли...

– Да не переживаю я. Просто... по-мужски обидно. Налетели на готовенькое... А мы ведь случайно встретились. Может, это знак судьбы?

– Вполне может быть, – глубокомысленно покивал Двуха. – А ты уверен, что тот знак – именно тебе предназначается? А если судьба тебя выбрала посредником: чтобы ты Ирку в офис доставил, где ее истинный избранник ждет? Я, например?..

– Да ну тебя с твоими хиханьками...

– Случайностей не бывает! Случайность – это просто пока непонятая закономерность... – провозгласил Двуха, с видом умудренного высшими силами пророка воздев руки к офисному потолку.

Вот эту-то фразу услышала и почему-то крепко запомнила Ирка...

Она, впрочем, недолго купалась в лучах всеобщего внимания. Вскоре стали подтягиваться другие витязи, и ее постепенно оставили в покое, а потом и вовсе, увлекшись обсуждением каких-то своих насущных дел, словно забыли о ее существовании.

* * *

Когда появился Олег, витязи разом замолчали.

– Будьте достойны! – поздоровался Трегрей.

– Долг и Честь! – хором ответили ему.

– Ну! – нетерпеливо дернулся Двуха. – Не тяни кота за интимности! Прощу прощения, симпатичнейшая Ирина... Давай выкладывай: что там за ультиматум выставил тебе противник?

– А не было никакого ультиматума, – улыбнулся Олег. – Противник капитулировал без боя.

– Да ладно! – ахнул Сомик.

– Я же говорил!.. – белозубо хмыкнул Мансур. – Куда ему против витязей!

– За-шиб-ца! – оценил Двуха.

– Без боя – это очень хорошо, – проговорил рассудительный Пересолин.

– Мир меняется, – подтвердил Трегрей. – Мир становится – наш.

Через четверть часа, после того как Олег наскоро пересказал подробности своего визита к губернатору Саратовской области Дмитрию Федоровичу, народ стал понемногу расходиться. Кастет потянул с дивана Ирку, повел ее за руку к выходу. Проходя мимо Трегрея, она чуть замедлила шаг. И Олег коротко поклонился ей – то ли приветствуя, то ли уже прощаясь. И сразу же повернулся к Пересолину:

– Евгений Петрович! Прощу вас... на минуточку.

– А вас, Штирлиц, попрошу остаться! – немедленно откомментировал Двуха уже с порога.

– Евгений Петрович, – начал Трегрей. – У меня к вам просьба. Или – лучше сказать, предложение. Конструктивное... – Он вдруг улыбнулся, видимо, припомнив, сколько уже за эту ночь выдвигалось конструктивных предложений. – Как вы отнесетесь к тому, чтобы занять кресло мэра в наших Кривочках? Нам очень нужен свой человек – именно в этой должности.

– Я? – неприятно удивился Пересолин. – Опти-лапти, почему же я-то? Может быть, кто-нибудь другой из наших, а?

– Вы, бесспорно, больше других подходите, – извиняющимся тоном пояснил Олег. – Возраст, опыт работы на руководящем посту и по хозяйственной части. Не могу вам приказывать, Евгений Петрович, но душевно прошу...

Пересолин несколько минут раздумывал, покусывая длинный кончик пушистых усов, хмурясь и теребя пуговицу на рубашке.

– Ну, если надо... – вздохнув, проговорил он. – Только – уговор! Того, кому ребят моих доверить, кому вместо меня детдомом руководить, я сам выберу, ладно?

– Не извольте об этом беспокоиться! – просиял Олег. – Значит, договорились?

– Договорились, – снова вздохнул Пересолин.

* * *

– Что, поехали? – с удовольствием вдохнув свежего утреннего воздуха, возгласил Мансур. – В кабачок-то, э?

– Что-то не хочется, – проговорила Ирка.

– И правильно! – победоносно одобрил ее решение Костя Кастет. – Чего мы там не видели, в этом кабачке?.. Лучше, Ир, давай к Волге? По набережной пройдемся, мороженого поедем?

– Вы меня извините, но я устала очень, – отведя взгляд, соврала Ирка. – Мне бы домой...

– Я отвезу! – с готовностью предложил Двуха.

– С какой это стати – ты? – заволновался Кастет.

– Я тоже могу отвезти, – сообщил Мансур.

– Ни вашим, ни нашим, – заявил Серега Жмыхарев. – Ира со мной поедет!

– Я, между прочим, курсы экстремального вождения прошел, – сказал Двуха. – Я вмиг домчу – с ветерком! Вот спорим: пятнадцать минут – и мы на месте...

– А потом у дверей час будешь нить, на чай с печенками напрашиваться, – подло сдал товарища Костя. – Что я, не знаю тебя, что ли?

– А может, у нее лучше спросить?..

Откровенно сказать, Ирке было глубоко безразлично, кто именно из хорохорящейся компании доставит ее домой. В голове ее все перекатывалась произнесенная Двухой фраза: «Случайностей не бывает». Удивительно, она всего лишь несколько минут назад поняла смысл и силу этой фразы.

Олег. Его зовут Олег...

Действительно, случайностей не бывает – так думала в тот момент Ирка. Это просто поразительно, каким хитрым клубком должны были сплестись события, чтобы она встретила свою судьбу...

Часть вторая

Глава 1

Спустя год

Осень вошла в стадию ремиссии. Приступы дождей и промозглого холода отступили, солнце с освобожденного неба засветило уверенно и ровно, и листва, впитав этот свет и это тепло, вспыхнула ярким разноцветьем. Люди поснимали плащи, куртки и шапки, и, казалось, вот-вот – и время потечет вспять, и лето вернется. И, должно быть, от понимания невозможности такого поворота, от безнадежного ожидания чуда – в душах человеческих затлела сладко пьянящая тоска. И повинувшись этой тоске, даже самый заскорузлый циник, в обычное время несколько не склонный к сантиментам, нет-нет да и замедлял шаг... смотрел в чистое небо или вдыхал костровый горький дым, или разминал в пальцах пряно пахнущий лист – и говорил самому себе: «Эх, последние денечки остались, золотые...» И шел дальше, жить своей обыкновенной, как у всех, жизнью.

В один из таких дней на окраинной улочке Саратова, у магазинчика с простодушным названием «Продукты» шестеро парней пили пиво. Они сидели, поджав ноги, на низкой металлической ограде примыкавшего к магазинчику палисадника, удивительно похожие на больших хищных птиц – с вороньей дерганой резкостью взглядывали по сторонам, то и дело опускали носы-клювы в пластиковые пивные стаканы, перекидывались громкими гортанными вскриками, и даже хохот их, взрывающийся после каждой почти фразы, звучал как воронье возбужденное карканье.

Прохожие, завидев шестерку, спешили перейти на другую сторону улочки, что самим парням определенно доставляло какое-то злое удовольствие. Тех же, кто осмеливался не менять пути, стая с азартом принималась клевать:

- Слышь, подойди сюда, дай сигарету!
- Дядя, смотри под ноги, очки потеряешь!..
- Оу, оу, оу!.. Какая пошла! Иди ко мне, не стесняйся, жениться будем!..

И вдруг, углядев очередного приближающегося прохожего, стая примолкла. Особенный интерес вызвал у шестерых этот прохожий: крупный румяный молодой человек их приблизительно возраста, но одетый не в пример лучше, даже как-то подчеркнуто прилично одетый – словно сошедший с картинки: «Полюбуйся, чего нормальные люди в твоём возрасте добились». На молодом человеке красовался серый, отлично сидевший костюм, из-под пиджака сияла белейшая рубашка, начищенные ботинки разбрасывали солнечных зайчиков; дополняли ансамбль кожаный, наверняка недешевый портфель и новенький айфон, по которому парень увлеченно разговаривал – к беде своей, кажется, вовсе не замечая притаившейся на пути опасности.

Шестеро словно весь день дожидались именно этого прохожего. Коротко и негромко переговорив, они разделились. Трое, спрыгнув с оградки палисадника, отошли на несколько шагов – к магазинчику, к окошку с полочкой, откуда отпускалось пиво. Остановились, один из этих троих ловко запустил руку в окошко, прикрыл его металлическим ставнем, зафиксировал ставень в таком положении при помощи просунутой в щель пустой сигаретной пачки.

– Долг и Честь! Здравствуйте, здравствуйте, господин мэр славного города Кривочки Евгений Петрович Пересолин! – жизнерадостно вещал на ходу в телефон Женя Сомик. – Да, только что из командировки. Сейчас машину заберу из сервиса, заеду домой, сбрую парадную сброшу и сразу к вам... Ну, час-полтора, не больше... Соскучился по всем нашим, шутка ли, две недели не виделись. Даже толком созвониться, поговорить времени не было.

А что случилось?.. – Голос его тут же изменился, утратив веселость. – Опять... очередная часть марлезонского балета! – с досадой произнес Сомик. – Ну, е-мое, сколько можно? На этот-то раз что? Кого прут?.. Ах, пруд! Какой пруд? Тимохин пруд, знаю, да. Что с ним не так?..

Он замолчал, слушая собеседника.

Трое с оградки палисадника, мимо которого он как раз проходил, поднялись и двинулись следом. Трое, расположившиеся у магазина, развернулись навстречу Жене, все еще разговаривая друг с другом о чем-то, растянулись, будто бы неумышленно перегородив тротуар.

Вероятно, Сомик увидел что-то такое в лицах этих троих, потому что – еще до того, как они вошли с ним в контакт, – бросил в телефон:

– Секундочку повисите пока, Евгений Петрович... – и прыгнул вперед.

То, что произошло секундой позже, со стороны, верно, выглядело киношной постановкой. Вряд ли парни успели понять, что же такое сотворил с ними этот молодой человек в хорошем костюме: все трое почти одновременно отлетели от Сомика на несколько шагов, раскатились вопящими кеглями по тротуару; причем из рукава спортивной куртки одного из них выпала длинная заточка, звякнула об асфальт.

Женя мгновенно развернулся к тем, кто подбирался сзади. Сцепился взглядами с парнем, идущим впереди остальных, у которого в руке угрожающе поблескивал пистолет – судя по тому, как парень безбоязненно достал его, скорее всего, травматический.

Женя ничего не произнес и ничего не сделал, но парень вдруг с криком отшвырнул оружие и, запрыгав на месте, затряс рукой, точно она была обожжена. Двое его товарищей правильно оценили ситуацию – не сговариваясь, они припустили во дворы. Тот... с будто бы обожженной рукой, последовал их примеру, даже не попытавшись прихватить свой пистолет. На месте молниеносной схватки осталась только сраженная упредительной атакой Сомика троица. Парни, скуля, копошились на тротуаре, силясь подняться. Но земная твердь не отпускала их – раз за разом руки парней подламывались, и они снова распластывались на асфальте.

Женя аккуратно обошел их по бордюру и поднес к уху телефон, который все это время не выпускал из руки:

– Евгений Петрович? Ага, все, могу говорить...

Грохнуло, выплюнув измятую сигаретную пачку, металлическое окошко за его спиной. Продавщица с лицом напудренного бульдога высунулась наружу, заголосив:

– Ай! Ай! Зачем ребятишек избил?! Вызывайте милицию! Милицию вызывайте! Вон он, вон он! Уходит, вызывайте скорее!..

– Да ничего не случилось, все в порядке, – поморщившись на крики из магазина, уверил Пересолина Женя. – Так что, вы говорите, за проблема с Тимохиным прудом?..

Ни продавщица из магазинчика «Продукты», ни сам Женя Сомик, ни кто-то еще из случайных прохожих, притормозивший посмотреть и с досадой на то, что драка так быстро закончилась, продолживший свой путь – не обратили внимания на припаркованную прямо напротив палисадника «девятку», грязную и помятую, как старый кроссовок. Там, в этой «девятке», внимательно и напряженно наблюдал за происходящим через наглухо тонированные стекла сухопарый мужчина с костистым недобрым лицом, на котором белой полоской выделялись поджатые губы, да светились неожиданно голубые глаза. Левая рука мужчины стискивала ручку приоткрытой дверцы, в правой он сжимал пистолет, и никакой не травматический, а самый что ни на есть настоящий, боевой – старый «макаров» со сбитым номером. Обе руки мужчины были синими от порядком расплывшихся татуировок.

Лишь когда Сомик, продолжая говорить по телефону, свернул за угол, мужчина обмяк на сиденье; напружиненная готовность к немедленному действию отпустила его тело. Он спрятал пистолет, прихлопнул дверцу, завел двигатель и тронулся с места.

Через несколько кварталов он кинул сигарету в жесткий рот, прикурил. И с первой струей дыма выдохнул длинную мрачную фразу (видно, привык говорить с самим собой):

– Так и думал, что перемудрили. Проще надо! Тогда все чики-чики будет...

* * *

– Приезжайте, Женя, я вам все подробно расскажу!..

– Ждите, скоро буду.

Проговорив это, Женя Сомик сунул телефон в карман и с чувством произнес:

– Вот балбесы...

Высказывание это предназначалось вовсе не потерпевшим позорное поражение гопникам, о которых Женя и думать забыл. Он имел в виду ни много ни мало все население города Кривочки, все семнадцать с лишним тысяч человек.

Выборы на должность мэра в Кривочках прошли предсказуемо гладко. Губернатор области Дмитрий Федорович сдержал свое слово и препятствовать витязям, выдвинувшим кандидатуру Пересолина, даже не пытался. Конечно, кроме Пересолина и Ивана Арнольдовича Налимова на высокий пост претендовал еще некий Педин, но кривочцы, видно, решили, что человеку с такой фамилией верить бразды правления попросту неприлично, и господин Педин быстро слился, оставив после себя в качестве напоминания лишь несколько плакатов, где в слове «Педин» последнюю букву местные весельчаки переправили на «к», наверное, в ту же минуту, как эти плакаты были расклеены.

Налимов, понимая безнадежность своих претензий, тоже особенно не упорствовал. Предвыборную его кампанию, прошедшую под негласным лозунгом: «Старый друг лучше новых двух», жители Кривочек всерьез не восприняли.

А вот незаmysловатую программу Пересолина: «Работать вместе, чтобы сделать город лучше» – кривочцы скушали «на ура». Впрочем, сам Евгений Петрович свой успех справедливо относил вовсе не на счет собственной малоизвестной местным личности... Лучше всего отношение Кривочек к Пересолину выразил дед Лучок, который на первой же встрече будущего мэра с электоратом влез на сцену и, завладев микрофоном, объявил:

– Это ж он от витязей, этот Петрович! Валяй, братцы, за него голосовать! Ежели его выберем, нам от них еще столько всего обломится! К тому ж он воровать не посмеет! Пусть только попробует, они ему сами тут же шишек под хвост напихают!.. – После чего под хохот и одобрительный свист сошел вниз, был подхвачен благодарными слушателями под руки и уведен в близлежащую закусочную «У Рустама» праздновать удачное выступление.

Время показало, что ожидания местного населения новый мэр Евгений Петрович Пересолин вполне оправдал. Пожалуй, это был первый в российской истории случай, когда весь городской бюджет до копейки пошел непосредственно на благоустройство города. Пересолин установил на улицах фонари, наладил водоснабжение (до него в Кривочках холодную и горячую воду в теплое время года исправно отключали с семи часов вечера до семи часов утра), отремонтировал две из трех кривочских школ, один из двух детских садов, закупил в районную поликлинику новое оборудование взамен старого, отжившего свое лет этак тридцать тому назад... и на этом бюджет иссяк почти полностью, осталось только на необходимые городские нужды. И когда весной сошел снег и земля просохла, средства на восстановление дорог пришлось Евгению Петровичу, осуществляя пророчество деда Лучка, просить у компании «Витязь».

Итак, ожидания населения мэр Евгений Петрович оправдал. А вот само население ожидания Пересолина – нет. Когда вдруг выяснилось, что лозунг «Работать вместе, чтобы сделать город лучше» мэр предполагал к буквальному пониманию, кривочцы скисли. Объявленная Пересолиным программа по наведению порядка в Кривочках на общественных началах – не то чтобы провалилась, а... не получила должного развития. Ну не желали горожане убивать законные выходные на уборку мусорных куч на окраинах, на расчистку дворов от ветхих стро-

ений: никому не нужных сараев, в которых давным-давно ничего не хранилось, покосившихся фрагментов полусгнивших заборов, давным-давно ничего не ограждающих... Общее настроение земляков по традиции озвучил дед Лучок:

– Что ж получается – бесплатно вкалывать? Как при советской власти? Накоса выкуси, я теперь предприниматель, мне каждая минута дорога. Время – деньги, слышали? Поищите других дураков!..

Дураки нашлись в лице тех же витязей, а также волонтеров из Саратова, среди которых большинство являлось активными участниками сайта «so-ratnic.ru».

Впрочем, первое время кое-кто из кривочцев и посещал субботники и воскресники, но не по причине проснувшейся сознательности, а потому что Пересолин распорядился организовать для работников горячие обеды. Вяло проковырявшись до полудня, горожане, пожертвовавшие гарантированным Конституцией отдыхом, по окончании обеда бесследно исчезали. После второго такого случая витязи решительно погнали халявщиков в шею. А следующей же ночью кто-то переколотил фонари на центральной улице имени В. И. Ленина.

Тогда у Пересолина случился нервный срыв. Он пригласил к себе Олега, последнее время целыми днями пропадавшего на строительстве диковинной своей палестры, и в категоричной форме заявил, что намерен раньше срока снять с себя полномочия. Сомик вместе с Двухой случайно оказались свидетелями этого разговора.

– Сил нет никаких, понимаешь?! – одной рукой держась за сердце, а другой колошматя по столу так, что разлетались во все стороны бумаги и карандаши, кричал Евгений Петрович. – Нет, опти-лапти, никаких сил! Это что за народ такой? Чем больше для них делаешь, тем больше они требуют! А то, что уже дадено, стремятся обгадить! Ты знаешь, что директор школы, на ремонт которой у нас денег не хватило, накатал жалобу губернатору? Дескать, руководство тех школ, что мы сумели отремонтировать, бюджетные деньги с мэром... со мной то есть, попилило, потому и ремонт получили. А ему, честному, ничего не досталось. Почему же при Налимове, опти-лапти, никто никому не жаловался, хотя он ни черта для Кривочек не сделал и не собирался? Объясни: почему? Я не понимаю... Про фонари слышал? Это как? Как это? В голове не укладывается... Вызвал к себе Шукаря, мента нашего главного: найди мне этих неандертальцев, кровь из носу! В глаза им хочу посмотреть! А он руками разводит: надо камеры наблюдения на улицах устанавливать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.